

ИСПОВЕДЬ

старого

МОЛОДОЖЕНА

От автора
"Мистера
Эндорфина"
и "Мемуаров
младенца"

Олег Батлук

Исповедь старого молодожена

«Издательство АСТ»

2020

Батлук О.

Исповедь старого молодожена / О. Батлук — «Издательство АСТ», 2020

Новый сборник искрометных историй от Олега Батлука, покоровшего читателей «Записками неримского папы» и незабываемым «Мистером Эндорфином»! Где еще вы узнаете, как лишиться тринадцати жен кряду и отказать Монике Белуччи? Где еще вам расскажут про первую брачную ночь средневекового Робоккопа, пипидастры в женских глазах, а также про то, как правильно снять хоум-видео, чтобы оно понравилось свекрови и теще? Обыденные и невероятные, пикантные и трогательные – ситуации, описанные в книге, не оставят равнодушными и тех, кто ведет холостяцкую жизнь, и тех, кто готовится к свадьбе или вкушает все прелести медового месяца, и тех, кто уже давно и накрепко связал себя узами брака. Легкий стиль, интеллигентный юмор, наблюдательность, добрая ирония и фирменная авторская самоирония – самый настоящий заряд позитива и эндорфинов. Спорим, завтра вы уже станете пересказывать эти истории своим друзьям!

© Батлук О., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Страдания робота Вертера	7
1. Старик Хотябыч	7
2. Страдания робота Вертера	8
3. Феличита	10
4. Ромик и Джульетта	12
5. На холмах Грузии	14
6. Галантный век	16
7. Знаки судьбы	17
8. Ежик в тумане	18
9. «Амаретто»	20
10. Купание красного коня	22
Глава 2. Отсчет утопленников	23
1. Странные люди: минус первая жена	23
2. Бобслей: минус вторая жена	24
3. Вопросы философии: минус третья жена	25
4. Печень: минус четвертая жена	27
5. Недонжуанский список: минус пятая и шестая жены	28
6. Идеал женщины	29
7. Коллапс ловеласа: минус седьмая жена	30
8. Джунгли	32
9. Лихорадка денге: минус восьмая жена	34
10. Лошарик	35
11. Отсчет утопленников	36
12. Вуди Аллен Делон: минус девятая жена	37
13. Гомофоб Павлик	38
14. Голубые береты: минус десятая жена	40
15. Лошадь Паратова	42
16. Когда плачет Габбана	43
17. Лицо	44
18. История, которую я не рассказал даже Семе	45
19. Она	46
20. Парад планет: минус одиннадцатая жена	47
21. Бегущая по волнам: минус двенадцатая жена	49
22. Страх и ненависть в Краснодаре	50
23. Пистолет под пиджаком: минус тринадцатая жена	51
24. Русалочка	52
25. Секреты Лос-Анджелеса	54
Глава 3. Тили-тили-тесто	55
1. Короткие встречи длинной жизни	55
2. Подкаблучник	57
3. Пипидастры	58
4. Унылое мачо	59
5. Пьер Ришар не играет в хоккей	61
6. Богиня майонеза	63
7. Нюансы прямохождения	64

8. Первая брачная ночь Робокопа	65
9. Один день из жизни супругов времен ведической Руси	67
10. Женское счастье	68
11. Ты мое сердце	69
12. Властелин колец	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Олег Батлук

Исповедь старого молодожена

Посвящается моей жене

*Любить иных тяжелей крест,
А меня – норм.*

Предисловие

Один американский продюсер как-то сказал про французское кино: «Это французский фильм, так что там куча грустных людей занимаются сексом».

В чем-то эта формула подходит и для описания современных браков. У некоторых в браках такие лица, будто они вдвоем толкают в гору паровоз. Обещанный машинист так и не пришел, на плечах уже висят дети, а паровоз с годами легче не стал.

Проблема в том, что мы слишком серьезно относимся к различным бюрократическим инстанциям: они для нас священны, как для древних египтян их пирамиды. Во всем виновата регистраторша в ЗАГСе, ведь именно с нее начинается эпидемия серьезности. Если бы она хотя бы пританцовывала, было бы полегче. Когда нечто становится институтом, душа оттуда уходит. И брак – не исключение.

Глядя на несчастных, обожающих институты и терпящих от собственных идиологов, так и хочется воскликнуть словами легендарного тренера Анатолия Тарасова: «Веселее, вы в хоккее!» Перестаньте наглаживать на своем эго стрелки, это не инстаграм. Хотя бы на минутку откатитесь к базовым настройкам, снесите к шутам все эти многочисленные обновления от тетушек и кумушек, от мотивирующих книжек, от изрыгающего мудрость телика. Вернитесь к первому обмороку очарования, к первым запахам, поцелуям, свежеиспеченным словам. Никакого «супруга» и «супруги», никаких «брачующихся», никакой регистраторши без намека на танец в монументальном теле. Только мужчина, только женщина.

Убывающая страсть и возрастающая привычка – самая грустная и нездоровая кардиограмма брака. На самом деле вдоль этих дорог растут чудесные цветы, если зайти достаточно далеко. Просто многие спешат срезать их, чтобы вставить себе в петлицу.

А она обязательно наступит, взрослая весна. Не эти ручейки да бумажные кораблики, а все по-взрослому: цветение двоих друг для друга, праздник красок и запахов, взрыв сирени прямо в лицо. Будут и рецидивы влюбленности, и следующие уровни нежности, и прирастание кожей, и общая кровеносная система судьбы. Все будет, если поверить в дорогу под собственными ногами, аккуратно нарисованную кем-то для вас двоих.

Глава 1. Страдания робота Вертера

1. Старик Хотябыч

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был один очень жадный мальчик.

Настолько жадный, что в детстве он мог заставить свой организм заболеть в день рождения, чтобы не носить в школу конфеты для угощения. Настолько жадный, что, повзрослев, мальчик не подпускал других гостей к столу с бесплатным фуршетом.

Всю жизнь жадный мальчик копил деньги. Жадный мальчик не общался с женщинами, потому что они требовали инвестиций в цветы и в мягкие игрушки. И вот к старости жадный мальчик несметно разбогател. И стал жадным стариком.

И ему, естественно, стало скучно. Ну, это логично же, я, например, когда несметно богатею, всегда скучаю. Стало ему скучно, значит, и решил он со скуки пообщаться с женщинами. И каждый раз с ним повторялась одна и та же история.

Жадный старик приглашал какую-нибудь даму в свой город (не в дом, он был так богат, что приглашал на свидание в собственный город), после романтического ужина вел ее к себе, а там oops, end of story, потому что возраст, и с гипертонией на американских горках совсем невесело, и все хорошо в свое время.

И вот сидят они оба грустные рядом, и дама говорит старику:

– Ну, ты поцелуй меня хотя бы.

И так прямо часто это повторялось, что очень скоро все вокруг стали называть старика просто Старик Хотябыч.

В какой-то момент, где-то между тридцатью девятью и сорока, я вдруг почувствовал, что живу посреди какой-то неправильной сказки. Что разбитое корыто я нажил, а старуху – нет. Что, как Кощей, я еще вполне себе бессмертен, вот только игла заржавела, и яйцо не первой свежести, да и ларец завещать некому. Такой классический кризис среднего возраста типичного Кощея Бессмертного. В одночасье я вдруг понял страшное: от Старика Хотябыча меня отделяет какая-то жалкая пара десятков лет.

Я раскинул руки и открыл свой патриархальный портал. Я сомневался в его точном местоположении в своем организме, но я его открыл, это главное. Главное – для женщин, которые должны были услышать скрип моего открывающегося портала и налететь сонмом мотыльков. Сонмом или тучей – можно и так, и так. Мозг царя зверей устроен довольно примитивно: открываешь портал – они налетают. Я открыл портал в марте. Вместо женщин на меня налетел холодный ветер и закатал раскатанную губу обратно...

К счастью для сказочных персонажей, все сказки рано или поздно заканчиваются браком. Правда, прежде чем я мутировал в принца, опринцесился, и мы зажили вместе (предположительно) долго и (эпизодически) счастливо, моему колобку предстояло изрядно покататься свежесбранным лицом по шершавому асфальту судьбы.

2. Страдания робота Вертера

Мои первые подростковые влюбленности напоминали взрыв петарды в кулаке. Вроде и смешно, и глупо, и не все пальцы в итоге на месте. Я страдал, как Вертер, но только не юный Вертер у Гете, скорее, как робот Вертер из фильма «Гостья из будущего». Злобные амуры палили мне в спину, выжигая дыры, а я все шаркал и шаркал навстречу своему счастью...

Как-то раз нежном возрасте меня угораздило втюриться в особенно неподходящем месте. Этот факт лишний раз свидетельствует в пользу теории о вирусном происхождении любви. Я проводил лето в городском оздоровительном лагере для юных очкариков, где мы совмещали отдых с лечением близорукости. А один мальчик лечил дальновзоркость: он сразу родился готовым стариком.

Методика лечения была оригинальная: мы читали книжки в обычном классе обычной средней школы, в которой располагался наш лагерь, каждые пять минут меняя очки с разными диоптриями. Если очков с нужными диоптриями в наших индивидуальных коробках не было, мы комбинировали, надевая одни очки поверх других. Периодически в классе раздавались смешки: смеялись над очередным мутантом в трех очках на носу.

Моя возлюбленная очень мило косила. Если бы она не косила, я бы влюбился в нее гораздо меньше, а то и не влюбился бы вовсе. Раскосость придавала ее взгляду неопишемую загадочность: она смотрела не просто на тебя, а как бы вглубь тебя и немного влево. Мне казалось, что своим рентгеном она прожигает меня насквозь до самой души, на дне которой скулил бездомный щенок моей любви. Я инстинктивно сжимал губы, лишь бы заглушить его скулеж.

Раскосая бестия разбила мне сердце. Как бьют в футболе пенальти – ногой и с разбегу. На дискотеке я пропустил пять песен и пригласил ее под шестую. Это был Боярский: «сяду в скорый поезд», что-то там про невесту, очень трагично. Накануне я мужественно заливал подушку слезами, представляя, как приглашу ее именно под эту песню, и невидимый круг судьбы замкнется.

Бестия отвергла меня, причем как-то пошло и даже физиологично: она физически отстранила мою романтическую тушку в сторону, освободив дорогу. И кому – кому! – дальновзоркому, состарившемуся еще до рождения. Плюс Два – так мы его прозвали в лагере.

Что прикажете делать одиннадцатилетнему советскому подростку, отвергнутому главной женщиной его жизни? Правильно – писать доносы.

И я написал. Первую и последнюю в своей биографии анонимку. Анонимка получилась на трех листах: я уже тогда был плодовит. В этом опусе магнум (и не только по объему, но и по размаху моего злодейства) я обвинял свою раскосую бестию во всех смертных грехах. Но главным образом, в распутстве. В режиме инкогнито у подлости вырастают крылья. Я порхал над навозной кучей собственного сочинения и не мог надышаться тонкими ароматами лжи. В конце пасквиля я написал, что раскосая бестия со всеми целуется, и вынес приговор, объявив ее проституткой. И, как полагается в такого рода филькиных грамотах, я приписал еще что-то про долг, который я исполняю этим письмом, освобождая общество от гнилого элемента. Откуда у меня в крови этот слог, ума не приложу, я ведь из хорошей семьи. Видимо, после страшных тридцатых у нас у всех он в крови.

В классе, где мы лечились, я пустил свое письмо по рядам, сделав вид, что мне самому его передали, и строго приказав не показывать его бестии, мол, так надо, сами потом поймете. Я видел, как очки на носах у мальчиков встают дыбом. Девочки же только хмыкали и шушукались. Вот все они в этом, девочки: если во дворе рванет ядерная бомба, они все так же будут хмыкать и шушукаться.

Я сидел красный, как пролетарский гнев, и гадал, кто же первый кинет в раскосую бестию камень или хотя бы плюнет. Но случилось и вовсе ужасное.

Один мальчик, самый близорукий, настолько тихий, что за целую смену мы так и не смогли расслышать, как его зовут, поднялся со своего места, подошел к моей бестии, по пути упав три раза в обморок, и положил перед ней на стол самые редкие очки из наших коробок – в полторы диоптрии. По нашим меркам это считалось богатством, за которое было не стыдно продать родину. Вслед за обморочным безмянным мальчиком к бестии косяком потянулись и остальные ребята, буквально завалив ее очками. Закончив с очками, они понесли ей яблоки, конфеты, шариковые ручки, жвачки, а некий малолетний мажор из состоятельной семьи выбежал из класса и вернулся обратно с журналом «Работница». Моя оболганная косоглазка охотно принимала все эти знаки внимания и даже не краснела, в отличие от меня, приобретшего пунцовый оттенок и стремительно скатывающегося с вершины пролетарского гнева в бездну стыда. Тогда я еще ничего не знал про популярный рецепт лжи: если переборщить с враньем, получается реклама. Загадочное слово «проститутка» подействовало на юную мальчишескую фантазию, как азотистый ускоритель: после моей анонимки с раскосой бестией захотели общаться буквально все, включая хмыкающих девочек.

На следующий день, когда ажиотаж немного спал, я подкатил к моей бестии в лечебном классе на спущенных шинах. Я решил смыть свой позор, правда, ведомый только мне одному, но от этого не менее позорный, кровью – кровью своего истерзанного любовью сердца. Я встал перед бестией и рассказал ей о своей любви, об истерзанном сердце, о крови. Я говорил нарочито громко, чтобы слышали все, тем самым как бы публично компенсируя зло своей анонимки и перечеркивая его добрым поступком. Косоглазка выслушала, откусила от свежеподаренного яблока, посмотрела на меня снизу-вверх и сказала то, от чего я до сих пор просыпаюсь посреди ночи в кошмарах:

– С очкариками не встречаюсь.

Воздух вокруг меня разбился на десятки звенящих хохотков. Весь класс ржал надо мной и не столько из-за этой фразы, сколько из-за трех пар очков, торчащих пирамидой у меня на носу: нервничая перед признанием, я забыл их снять.

Громче остальных надо мной смеялся дальнзоркий мальчик по прозвищу Плюс Два: в тот момент к его бурной радости на мне были все минус двадцать.

3. Феличита

В двенадцать родители сплывили меня вниз по Волге. Не в том смысле, что я им надоел, а на теплоходе. Вместе с бабушкой, на две недели. Предполагалось, что она будет присматривать за мной. Хотя куда, спрашивается, можно было деться с теплохода, ведь это, по сути, та же подводная лодка, только слегка приподнятая над водой.

Бабушка присматривала за мной весьма оригинально. На второй день плавания она сказала:

– Внучек, смотри, какая красивая девочка, кажется, твоя ровесница.

Бабушка была для меня непререкаемым авторитетом, поэтому в красивую девочку, кажется, свою ровесницу, я немедленно влюбился. Таким нехитрым способом бабушка сняла с себя обязательство приглядывать за мной, так как в любое время меня можно было найти где-то в периметре у красивой девочки.

Пока все плыли в Нижний, я каждый день плыл в закат. В Мышкине я пищал ей о любви, в Угличе пылал жаркими углями признаний, в Константиново я ничего не делал, поскольку в то время еще мало знал о Есенине.

Про взаимность я умолчу. В двенадцать, когда новое заполняет тебя выше горлышка и из тебя вышибает пробку, взаимность – это что-то второстепенное. Ты весь, с ног до головы, – восхитительная бормотуха, которая бормочет что-то невпопад на дрожжах взросления. Возможно, она тоже любила. Или же ей просто некуда было деваться (теплоход это, по сути, та же подводная лодка...).

Мы с моей избранницей нарезали по теплоходу круги, так что однажды медсестра попросила нас посидеть часок ровно: у стариков от нас закружилась голова. А потом случилась она. «Феличита». Исполненная на тринадцатый день плавания в кают-компани на пианино моим сверстником, который до этого, как последняя крыса, все тринадцать дней отсиживался в своей дешевой каюте в трюме. Он тоже плыл с бабушкой, которая, как видно, была из простых и поступила единственным образом правильно, привязав внука к кровати на время всего круиза.

Эта змея (внучек, а не его бабушка) выползла из-под своего подпола, уселась за пианино и забачала эту треклятую «Феличиту». В сочетании с фортепиано моя аналогия со змеей начинает заметно хромать, но играла змея замечательно, чем бы она там ни играла. Ей аплодировали. Под видом аплодисментов моя возлюбленная сначала извлекла свою ладонь из моей, под видом тех же аплодисментов ее обратно не вернула и под их же видом подлетела к пианисту и повисла на нем всем своим юным беспринципным существом.

Я смотрел на них, вальсирующих по кают-компани, и у меня тряслись губы. Я бы точно заплакал. Если бы за несколько часов до этой драмы я не выпил три литра ситро, и вся жидкость в моем организме не ушла бы значительно ниже глаз.

В тот момент, когда впервые рухнул мой мир, рассыпавшись на множество маленьких двенадцатилетних девочек, я сжал кулаки, выпрямился в струну и решительно, с драгоценным металлом в голосе сказал сам себе: «Я больше никогда не буду на чужой стороне». Звучит немного нелогично: это меня опять подводит моя любовь к кино, ведь это сказал не я, а Роберт Брюс в «Храбром сердце». Но я сказал похоже, а главное, с точно такой же железобетонной интонацией, как Роберт Брюс в «Храбром сердце», вот прямо точь-в-точь. Формально же я произнес буквально следующее: «Я больше никогда не буду просто слушателем – я научусь играть».

Через два часа после возвращения в Москву из круиза я уже стоял на пороге музыкальной школы: руки в кулаках, вытянутый в струну и с тем же металлом в голосе. По-моему, педагог

по фортепиано меня испугалась. «Занятия в 17:00, начинаем завтра», – сказала она и, кажется, заплакала.

На следующий день в 17:00 я не пришел. Потому что на следующий день в 17:00 я гонял с ребятами в футбол на нашей дворовой площадке. И на следующий день в 17:00 тоже. И на следующий. Ведь уже много лет мы с ребятами гоняли на нашей коробке в футбол именно в 17:00. Я не мог это пропустить.

Очевидно, металл в моем голосе был не таким уж и драгоценным.

И да, еще одно: в конечном счете, у каждого возраста свои представления о феличите.

4. Ромик и Джульетта

Нынче дачи уже не те. Попрятались в коттеджах, как Наф-Нафы. Ни одного беспечного Ниф-Нифа на дачных улочках. А чтобы целого живого ребенка встретить – это только по большим праздникам.

А раньше целые живые ребенки сновали здесь, как планктон. Сначала по малолетству все дружно валялись в пыли, а затем, восстав из праха, влюблялись друг в друга. До сих пор помню удивительную love story соседа Ромика.

Ромик был нашим старшим товарищем и до семнадцати лет так и проходил в Ромиках. Мальчик из хорошей семьи, что в его случае звучит как диагноз. Ромик жил на даче с бабушкой-профессором, доктором нескольких взаимоисключающих наук. Она преподавала в трех университетах. Но сухарем в их семье был, как ни странно, Ромик. Мы не раз наблюдали, как почтенная бабушка-профессор вытаскивала Ромика за калитку и подпирала ее изнутри кадушкой, чтобы внук не вернулся. Следом через забор летел его велосипед. Ромик для вида делал круг по нашему садовому товариществу, ведя велосипед рядом, что коня в поводу. Мы не знали, умеет ли Ромик кататься, а проверить это шансов не было: велосипед вечно вилял на спущенных шинах. Бабушка-профессор требовала от Ромика возвращаться домой за полночь, как все нормальные подростки, а тот сидел в темноте за поворотом и читал с фонариком книжку.

На дачах кипели латиноамериканские страсти, любви все возрасты покорны, и трехлетки сражались за пятилеток на совочках. Да что там трехлетки, даже я, тринадцатилетний пугливый ландыш, бегал по вечерам к пруду к опытной, четырнадцатилетней.

– Наш-то опять к своей Русалке намылился, – говаривал в то время мой папа.

Бабушка-профессор, наблюдая вокруг всю эту буйную порнографию, совсем захандрила.

– Гляди, в девках останешься! – кричала она Ромику через забор.

И тут на дачах появились они. «Поселковые», как их презрительно называли некоторые дачники. А то, что мы, дачники, бегали в их универсам за продуктами и на почту звонить, как-то забывалось. Поселковые стали приезжать на мотоциклах, попадались среди них и девочки. В первый свой приезд они попытались подраться с нашими старшими ребятами, но вместе так напились, что пришлось подружиться.

В один из вечеров несколько поселковых девушек гуляли по дачным переулкам и набрали на Ромика. Среди них была одна, в которую сразу повлюблялись все наши местные старшеклассники (и я, на всякий случай). Она носила рваные джинсы в обтяжку или «в облипочку», как, некрасиво шамкая, говорили старушки. Джинсы в те годы (восьмидесятые) все еще были общественным вызовом, не говоря уже о драных, не говоря уже о «в облипочку», поэтому не исключено, что все мы влюбились сначала в джинсы, а потом уже в девушку. В любом случае там было, во что влюбляться. Девушка заканчивала школу, и, по словам ее одноклассниц, школа очень ждала того момента, когда их подруга ее наконец закончит.

Поселковая красавица впервые в жизни встретила своего ровесника с книгой. Понятное дело, что разноименные заряды мгновенно притянулись – никакой лирики, чистая физика. Вот это был роман, настоящие Ромик и Джульетта. Их любовь явилась таким чистым недоказуемым чудом, что и поселковые претенденты, и наши дачные ловеласы даже не стали Ромика бить. Ромик ходил по дачам с огромными глазами, как в аниме, и вовсе не из-за своих диоптрий.

А через пару недель я стал свидетелем разговора между моей и Ромиковой бабушкой, которая зашла к нам в гости.

– Вы что, не видите, голубушка, что с ним стало? – причитала моя. – Мальчику поступать, эта оторва совсем вскружила ему голову. Научился выпивать, торчит с ними у костра, бегаёт на танцы. А недавно, не поверите, недавно я видела его на мотоцикле! За рулем! Он же у вас

еще на велосипеде толком не научился, он же упадет! Голубушка, дорогая, вы не знаете, что происходит?

И тут бабушка Ромика, доктор немислимых наук и профессор всех университетов, наклонилась к собеседнице, заговорщицки подмигнула и шепнула:

– Декабристы разбудили Герцена!

Это было лучшее определение первой любви, которое я слышал.

5. На холмах Грузии

Четырнадцать – хороший возраст, чтобы увидеть Париж и умереть. Мне почти удалось – и то, и другое. Причиной моей преждевременной кончины должна была стать девушка: кто же еще, ведь мы говорим о Париже.

В 1989 году Франция отмечала двухсотлетие своей революции. Для окончательного триумфа праздничному Парижу не хватало одного – нас. Школьников из Московского дворца пионеров. Гости из московских дворцов на празднике сокрушителей Версаля – это было вполне в духе того позднего апокалиптического советского времени.

В нашей лубочно-матрешечной делегации у меня была своя особая артхаусная роль. Меня взяли в группу из кружка «Юный журналист», так что я состоял при ней как бы штатным репортером. И если остальных детей приняли за красивые глаза или за нужного папу, то я числился крепостным летописцем, и с меня причиталось.

Каждый день за границей я был обязан выдавать на-гора ежедневную стенгазету с обзором нашей поездки. С этой целью руководители делегации даже прихватили с собой тубус ватмана (во Франции же нет ватмана, отсталые варвары). По вечерам стенгазету с моими текстами и рисунками высокого мальчика с косоглазием (забыл его имя) торжественно вывешивали в фойе спортшколы, в которой мы жили. Дружественные французские подростки дежурно вздрагивали, проходя мимо. Рисунки косоглазого мальчика были выдержаны в стилистике журнала «Крокодил», этой фирменной советской миролюбивой агрессии, поэтому французы думали, что началась война.

Наша поездка продлилась две недели. Я выдал четырнадцать полноразмерных ватманов. Из них мне не удался лишь один.

В тот день мы посещали французский бассейн. «Посещение французского бассейна» – так и значилось в программке, которая была опубликована накануне в очередном «Вечернем ватмане». Мы прочли уведомление о посещении бассейна с той же возвышенной интонацией, с какой до этого читали новость о «посещении Лувра».

Бассейн и вправду оказался французским. Нет, мы не плавали во «Вдове Клико». Это был открытый бассейн на свежем воздухе с шезлонгами и двумя барами. Истинная французскость бассейна заключалась в том, что на одном из шезлонгов загорала французская девушка топлес. Мы тогда еще не знали слова «топлес». Более того, не уверен, что кто-то из мальчиков в нашей делегации в свои четырнадцать вообще видел женщину топлес. Колхозница Мухиной не в счет (тем более, она вроде бы и не топлес? вот зыбучие пески подростковой памяти!).

О женщине, загорающей у бассейна топлес, рассказала взволнованная девочка из наших рядов. Вся в слезах она прибежала к руководительнице делегации, суровой женщине-методисту не с одним десятком внедренных методичек за спиной, которую мы в первый же день окрестили Фрекен Бок. Девочка решила, что в этих французских бассейнах всех девочек заставляют так ходить, бедняжка. Также она поведала, что той девушке носят коктейли из бара, и на ее глазах распутнице принесли второй. И вот тут в полный рост встало и во всей красе проявилось мое пролетарское мужество.

– Как советский репортер, я должен это увидеть и рассказать стране! – объявил я решительно, взмахнув чубом (чуб тогда еще был в ассортименте), и отправился на верную гибель.

Несколько самых отважных мальчиков вызвались сопровождать меня на такое смертельно опасное задание. Фрекен Бок еще только складывала в уме ускользящий пазл неминуемой катастрофы, когда мы уже выдвинулись на позицию тевтонской свиньей.

Французская девушка топлес почувствовала неладное минут через двадцать, после того как мы прошли мимо нее той самой свиньей в двенадцатый раз. Кажется, она даже поперхнулась пятым коктейлем. От тринадцатого раза нас удержала Фрекен Бок, которая вцепилась в

меня мертвой хваткой партийного работника. На наших лицах застыл один и тот же черный страшный взгляд: наши зрачки расширились до размеров глаз.

В тот вечер я писал вдохновенно.

«Солнце пылало в зените», – начал я.

Затем следовали десять абзацев непосредственно про само памятное событие и в конце, как положено:

«Франция – буржуазная страна, где процветают пьянство и разврат».

Фрекен Бок рецензировала все мои ватманы. Того самого, постбассейного, она ждала с особенным нетерпением. Дождавшись, домомучительница от души послушавила красный карандаш и приступила.

Минут пять она зачеркивала. Я слышал, как натужно скрипел карандаш поверх сокровенного, будто на несмазанных телегах увозили убитые слова.

Фрекен Бок зачеркнула все десять абзацев. Как сейчас помню, там было что-то про утреннюю негу, про тлеющий на жаре пергамент кожи (мог же, шельмец, эх, мог!), про белизну геометрических форм, про обнаженное дыхание жизни и даже, в одном месте, я процитировал: «На холмах Грузии лежит ночная мгла».

Вся наша делегация издалека напряженно наблюдала за Бенкендорфом в юбке. Один из моих товарищей, сопровождавших меня давеча в бассейне в героическом походе, взволнованно шепнул мне на ухо:

– Ты что, про сиськи написал?

Я тяжело вздохнул и закатил глаза. Как мне было объяснить этим люмпенам про мою высокую поэтическую правду...

Закончив экзекуцию моей музыки, Фрекен Бок подозвала к себе высокого косоглазого мальчика. В тот вечер высокий мальчик был особенно косоглаз: он ходил к шезлонгу вместе с нами.

Через час очередная вечерняя газета висела на своем месте.

«Солнце пылало в зените. Франция – буржуазная страна, где процветают пьянство и разврат», – гласил в тот день ватман.

Больше никакого текста не было. Все остальное пространство занимал проклятый буржуин из сказки Гайдара. Буржуин, к слову, был ни разу не топлес, может, и к счастью.

По возвращении в СССР нашу делегацию в своем кабинете принимал лично директор Дворца пионеров. Ему торжественно вручили тубус с исписанными ватманами. Мы благополучно привезли их обратно в качестве отчета о нашем путешествии.

Директор Дворца пионеров бегло просмотрел гигантские свитки и особенно задержался на стенгазете с буржуином. Он даже прочел мой короткий текст вслух всем собравшимся.

Затем директор, по совместительству заведовавший в нашем Дворце пионеров театральным кружком, поднялся со своего места, подошел ко мне и как-то чересчур порывисто обнял.

– Бедный, бедный ребенок, представляю, как несладко тебе там пришлось, среди пьянства и разврата, – трагическим голосом произнес он.

Директор либо что-то знал, либо мне показалось. Но уголки его губ почему-то улыбались.

6. Галантный век

Я начал практиковать галантность с молодых ногтей. Родители рано привили мне правила хорошего тона. В школе я придерживал девочкам двери.

Какое-то время я купался в женском обожании. Я был этакой ажурной вставкой из утраченного галантного века среди типовых пролетарских обоев.

Но внезапно стал я отлавливать на себе косые взгляды. Они садились мне на лицо невидимыми комариками и жужжали нехорошее. Это на меня смотрели мальчишки-сверстники, не понимавшие таких буржуазных излишеств.

После этого каждый раз, когда сверстники заставляли меня за придерживанием дверей, я эти двери на полпути трусливо отпускал. И все бы ничего, но некоторые из дверей были инерционными. Ни о чем не подозревавшие девочки грациозно врывались в дверной проем и немедленно получали дверью по голове.

Уже через пару дней девочки стали массово меня сторониться. Если же я оказывался перед ними у каких-нибудь дверей, особенно инерционных, то они и вовсе в ужасе пятились назад.

Галантный век в отдельно взятой московской школе закончился.

7. Знаки судьбы

В своих заблуждениях я бывал настойчив. За одной девочкой я ухаживал полгода.

«Ухаживал» – один из самых многозначных терминов в мужском словаре, который каждый раз требует уточнения.

Ухаживал, в моем случае, это: провожать долгим взглядом, настолько испепеляющим, что по осени за моей избранницей занималась листва; названивать ей домой и бросать трубку (телефонных определителей в те советские годы еще не существовало, хотя по моему астматическому дыханию меня можно было определить и без определителей); наконец, смеяться нарочито громко, когда она проходит мимо (по этому смеху избранница должна была обо всем догадаться, тем более смеялся я, будучи один, без компании).

Девочка была непреклонна: непонятно, чего им, женщинам, еще надо. И однажды я решил перейти (видимый только мне) Рубикон. Пойду и спрошу ее прямо, любит она меня или нет, постановил я.

Я вышел из подъезда и зашагал направо к ее дому. Через пару шагов я застыл, как вкопанный: на асфальте кто-то нарисовал мелом жирный крест. Я поежился, попятился и повернул в противоположную сторону, так как к моей избраннице можно было попасть и окольным путем. Пройдя несколько метров, я уперся в другой крест, намалеванный поперек дороги, еще жирнее предыдущего. Я чертыхнулся и в режиме обратной перемотки ретировался в подъезд и далее в свою квартиру. Только человек, начисто лишенный воображения, не распознал бы в этих крестах на асфальте пылающий знак судьбы.

Я сидел у открытого окна и оплакивал свою горькую участь, с тоской глядя на улицу. В этот момент мимо дома прошмыгнул косяк мальчишек. Они притормозили перед моим подъездом, о чем-то по-рыбьи прошепелявили, и один из них внезапно стер тот жирный крест с асфальта и мелом нарисовал на его месте тоненькую стрелку. После чего компания побежала в направлении только что нарисованной стрелки.

Я сидел и думал, отчего это в казаках-разбойниках стрелки всегда вот такие тоненькие, а кресты, наоборот, жирные. Все как в жизни.

А еще я тогда подумал, что некоторые знаки судьбы – это всего лишь чья-то детская игра.

8. Ежик в тумане

Когда я был юн, на мне можно было демонстрировать разбитое сердце в разрезе студентам медицинских вузов. Я влюблялся так часто, что сам не успевал за своими влюбленностями. Возлюбленные тоже не успевали. Часто они даже не подозревали, что они возлюбленные. Ну, и шут с ними, думал я в те годы: реальная девушка часто только портила образ моей возлюбленной.

Мои романтические истории были трагичны лишь при взгляде от первого лица, из танка. Снаружи это был обыкновенный «Комеди-клуб» с нежными прожилками Петросяна. Ни один Шекспир не пострадал.

Взять хотя бы длинноногую девушку Олесю. Мне было пятнадцать, спортивный лагерь. Имя Олеся почему-то всегда возбуждало меня само по себе, а тут к Олесе вдобавок прилагались длинные ноги...

Всю смену я пытался к ней подойти. Казалось бы, чего же проще, два тела в одном пространстве на близком расстоянии, элементарная физика, но как же трудно подойти к целой девушке в пятнадцать лет. Особенно к длинноногой. Эти длинные ноги словно уносят ее от тебя под облака.

Возможно, у меня был бы шанс, если бы на моем пути не возникла она. Не судьба-злодейка, а врачиха из местного медпункта. Дело в том, что в начале смены она всех нас осматривала и знала, что у меня минус пять, и я ношу очки.

Но очки и длинноноготь плохо сочетаются. Так думает любой пятнадцатилетний. В пятнадцать вообще кажется, что очки – это главная из твоих проблем. Поэтому каждый раз, когда я решался признаться Олесе в любви, я прятал очки в задний карман и шел наугад, как ежик в тумане, навстречу своей волшебной лошадке. И каждый раз вместо волшебной лошадки мне попадалась врачиха.

– Очки тебе прописали не просто так, – нудила она, – они нужны для коррекции зрения.

И требовала снова их надеть в ее присутствии. Это стало ее миссией, личной войной, вендеттой – обнаружить меня слепого на территории и заставить надеть очки.

В предпоследний день смены в нашем лагере проходила прощальная дискотека. Для меня это был последний шанс, бал Золушки. На мое счастье, врачиху пригласил завхоз, и в тот вечер ей было не до меня. Я отполировал свою карету, сунул очки в задний карман и пошел сдаваться Олесе.

Дискотека предстала передо мной разноцветными пятнами, как у ранних импрессионистов. Тем не менее я сразу увидел ее, свою длинноногую Олесю, в том самом васильковом платье, в котором она в начале смены удаленно отправила меня в нокаут – в васильковом платье и в объятиях какого-то парня. Они танцевали, и его руки были значительно ниже ее ватерлинии. Руки были значительно ниже ватерлинии у него, а тонул почему-то я, опускаясь на знакомое илистое дно «все пропало». Я выскочил из клуба и потом полвечера по-есенински обнимал березу, хотя это вполне могла оказаться и сосна.

А когда я наконец отпустил березу, по совместительству сосну, под соседним деревом я вдруг снова увидел их – свою длинноногую Олесю в васильковом платье и того парня. Они сидели рядышком на пенке, неудобно свешиваясь каждый со своей стороны, и целовались. Я полез в задний карман (о, если бы там был пистолет!), достал очки и надел их, чтобы в последний раз увидеть свою Олесю и навсегда унести ее образ в юдоль печали. На пенке в объятиях розовощекого парня сидела совершенно незнакомая мне длинноногая девушка в васильковом платье. Увы, мир коварен: васильковость платья не является исключительным свойством девушек, по которому их можно отличить сослепу. Равно как и длинноноготь.

Поняв свою ошибку, роковую, как и все мои ошибки, а иначе какой смысл ошибаться, я бросился обратно на дискотеку, но двери клуба были уже заперты. В окрестных рощах раздавалось смачное чмокание. Мне же оставалось лишь поцеловать дверь, привычно, в замок.

На следующий день мы прощались друг с другом у автобусов. В тот лагерь нас собрали из городов по всей стране и разъезжались мы, соответственно, на разных автобусах. Я подошел к Олеся (на этот раз это была точно она, я надел очки) и стал нашептывать ей что-то горячее. По-моему, я даже хватал ее за руки.

– Поздно, поздно... – шептала она по-тургеневски, – а ведь у нас все могло получиться, я так на тебя смотрела всю смену, а ты ничего не видел, ничего. Как же ты близорук...

Олеся была воспитанной девушкой, отличницей, очень начитанной, и я понимал, что про близорукость она говорит в переносном смысле.

Длинноногая Олеся села в автобус, шагнув сразу на третью ступеньку, а я думал о том, что хуже этого на свете уже ничего быть не может. В этот момент кто-то кашлянул у меня над ухом. Я повернулся. Рядом стояла врачиха. Она все слышала.

– А я ведь предупреждала: очки следует носить постоянно.

9. «Амаретто»

В начале девяностых я со своими закадычными друзьями детства Семой и Лешей Невидимкой познакомился на улице с девушками. Стояла лютая зима, мы выглядели как Дед Мазай без зайцев (зипуны и меховые шапки), девушки и того загадочней – как отступающие французы в 1812 году: на теле что-то модное с эполетами, а на голове бабушкин платок и рукавицы из «Морозко».

В такую стужу не то что знакомиться, разговаривать на улице было трудно: язык примерзал к небу. А мы, вместо того чтобы спасти свои жизни, беззаботно курлыкали в облаке пара, периодически стряхивая с носов сосульки. Девушек было две на нас троих, но Леша не считался. Леша никогда не считался.

Как требовал донжуанский этикет того времени, мы проследовали к коммерческой палатке. В палатках начала девяностых можно было купить что угодно, даже танк. Не говоря уже об алкоголе. Алкоголя таких радужных цветов я потом не видел больше нигде, разве что в магазине автозапчастей в отделе «незамерзаек».

– Только не пива, – взмолились девушки, когда мы подошли к палатке.

От одного этого слова – «пиво», – произнесенного вслух при минус тридцати, у меня моментально свело скулы.

– Обижаете, – ответил Сема по-барски.

У него уже тогда водились деньги. А это было время, когда деньги не водились даже у государства.

Сема стоял перед витриной и явно прикидывал, чем сразить девушек.

– «Амаретто», – шепнул я другу.

В начале девяностых «Амаретто» стоил столько, что на эти деньги можно было обратно купить Аляску. Такой крутой мне достался друг. Когда я говорил Семе про «Амаретто», то украдкой целовал его сзади в пальто.

Сема покосился на девушек. За время нашего разговора мы успели на них изрядно надышать, и девушки немного оттаяли. Только теперь мы увидели, насколько они прекрасны.

– Может не прокатить, – шепнул мне Сема в ответ, – еще подумают, что мы пошляки. Надо чего-нибудь необычного.

– Давай лучше проверенного, – скулил я.

До этого я пил «Амаретто» лишь раз в жизни, когда на семейном торжестве папа перепутал и плеснул мне его по ошибке, разливая женщинам. Вкус миндаля с тех пор преследовал меня даже во сне.

– Во! – обрадовался Сема, не слушая меня. – Это в самый раз.

Сема заплатил, и ему просунули через окошко бутылку.

– Смотри, смотри, ликер «Киви»! – переговаривались девушки. – Кремовый!

Сема торжественно держал в руках красивую бутылку с ярко-зеленой субстанцией внутри. От одного взгляда на этот оптимистичный колор поднималось настроение. Момент был по-своему торжественный, но Леша Невидимка ухитрился испортить и его.

– И «Доширак», – сказал он Семе непростительно громко.

В ту пору мы все немного недоедали, но Леша недоедал больше, потому что был обжорой.

Сначала мы хотели угостить девушек прямо тут же, у палатки, на единственном столике, но он так заледенел, что бутылка соскальзывала. Пришлось идти в подъезд.

Подъезд – не самое романтическое место в начале девяностых. Если бы еще это были хотя бы питерские «парадные», то их отчасти спасало бы название. А так, на фоне настенных росписей про «Волосатое стекло навсегда» и «Коля чмо верни нунчаки» любое «я встретил вас», которым ты планировал сразить свою избранницу, немедленно прокисало, как молоко.

Девушки недоверчиво косились на обрывок обгоревшей газеты, торчавшей из чьего-то ящика, газету «Спид-инфо» на подоконнике и остов герани в горшке, заполненном окурками. Очевидно, жители этого подъезда когда-то хотели быть милыми (я про герань). И только кремовый ликер «Киви», горделиво воздвигшийся поверх «Спид-инфо», не сдавался и манил заграничностью.

– Ну, разливайте, мальчики, – не выдержали посиневшие девочки.

Речь шла уже не столько об уходе, сколько об элементарном выживании.

Сема не без тени торжества улыбнулся и взялся за крышку. Крышка не открылась – она просто осталась у Семы в руках, словно только и ждала того, чтобы до нее дотронулись. Мой друг озадаченно почесал затылок. Затем он взял пластиковый стаканчик и опрокинул над ним бутылку.

Несколько секунд ничего не происходило. Вообще. Было слышно, как кто-то глотает слюну. Наконец в недрах кремового ликера «Киви» что-то зловеще булькнуло, и в пластиковый стаканчик с нехорошим звуком упал слипшийся зеленый шарик. По виду он напоминал мороженое. Кремовый ликер «Киви» не лился – он вываливался. Я вспомнил руку продавца в мохнатой варежке, когда он протягивал сквозь заиндевевшее окошко бутылку. В той палатке было немногим теплее, чем на улице. Кремовому ликеру «Киви» просто не повезло: он замерз. Из вывалившегося мякиша торчали кусочки льда.

Сема обязательно что-нибудь придумал бы. Он и не из таких передраг выкручивался. Я уже видел, как его губы складываются в остроумное объяснение, но тут в нашу судьбу снова вероломно вмешался Леша Невидимка.

Осторожно, не дыша, он взял у Семы тарелку с ликером. Одноразовой пластиковой ложкой, извлеченной из недр «Доширака», Леша ел зеленый шарик с таким аппетитом, будто это и правда был шарик фисташкового мороженого, поданный в ресторане на десерт. В глазах нашего друга читалась знакомая нам с Семой по десяти годам совместных обедов в школьной столовой Лешина заповедь: не пропадать же.

– Ладно, мальчики, мы, наверное, пойдем, – сказали девушки, не сговариваясь, хором, и через секунду мы увидели их внизу, убегающими в морозную ночь.

Сема взял с подоконника газету «Спид-инфо» и принялся ее читать, словно за этим и пришел.

– Говорил же, надо было брать «Амаретто», – сказал я другу в газету, – он бы точно не замерз – там хотя бы алкоголь есть.

10. Купание красного коня

*«Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем...»*

Есть у Гумилева такие прекрасные строчки. Они неизменно вгоняют меня в депрессию, когда я их читаю.

Дело в том, что в своем советском детстве я неоднократно предпринимал попытки следить порой за девичьим купаньем: на прудах, речках, затоках и запрудах. Только, вот незадача, мне ни разу не удалось застать девичьего купанья.

Зато однажды мне удалось застать купанье пьяного голого мужика на нашем дачном пруду, и это зрелище оказалось настолько страшнее купания красного коня Петрова-Водкина (из общего было только ржание и мотив водки), что в итоге оно стало для меня системно определяющим: с того дня мои отношения с женщинами были обречены.

Глава 2. Отсчет утопленников

1. Странные люди: минус первая жена

Я тащился к своим сорока на холостом ходу вовсе не потому, что у меня что-то не в порядке с рычагом переключения скоростей. Все это время я искренне хотел доказать Маргарите Павловне из «Покровских ворот», что умалишенных все-таки регистрируют, но была одна проблема.

Дело в том, что знакомиться с незнакомками – это не мое. И никогда не было. Я мог пригласить на свидание только в одном случае: если мы знакомы с моей избранницей сто лет, я видел ее медицинскую карту со всеми анализами и знаю всех ее родственников до пятого колена.

Конечно, я не раз срывался с резьбы. Возможно, это слишком сильное определение для легкого флирта. Скорее всего, в аналогичных ситуациях большинство мужчин вообще не заметят поворота винта и даже за отверткой в карман не полезут. Но все мои попытки вопреки поговорке оказывались пыткой, и каждая новая избранная мной избранница неизменно превращалась в минус еще одну жену.

Как тем летом в начале девяностых, когда я ехал в трамвае и слушал в плеере кассету Doors. Я стоял, а подо мной сидела девушка. Несколько раз она пронзительно смотрела на меня снизу-вверх. От этого ее взгляд становился немного щенячьим, нежным. И вдруг я понял, что она со мной говорит. Я вытащил из ушей наушники.

– Вы не могли бы переспать? – спросила меня девушка.

Это было странно. Сколько же вокруг странных людей, успел подумать я. Но вслух ответил совсем другое:

– Могу.

А в тот день, несмотря на всю свою стеснительность, я действительно мог. Причем, не только с ней, я мог бы переспать даже с тогдашним секс-символом Натальей Негодой, появившись она в ту секунду в трамвае. Накануне я впервые прочитал «Тропик рака».

– Ну, так перестаньте, – сказала девушка.

Так вот что на самом деле она произнесла минуту назад, а я из-за Doors неверно расслышал: «Вы не могли бы перестать?»

Только после слов девушки (в их второй, более поздней редакции) я наконец осознал, что последние три остановки без остановки настукиваю по спинке ее сиденья мотив «People are strange».

2. Бобслей: минус вторая жена

Все мои свидания напоминали хронику пикирующего бомбардировщика. Мне достался амур, страдающий вредными привычками: в самый ответственный момент он выходил покурить.

В университетские годы я ухаживал за девушкой. Ухаживал в своем фирменном стиле – смотрел с поволокой и громко думал о ней. Поволока оставалась незамеченной, не говоря уже о думах.

И однажды я все же решился встретить эту девушку после занятий на первом этаже нашего университета у гардероба. На улице как раз услужливо стояла зима, и я мог быть вполне уверен, что моя избранница не проскользнет мимо гардероба, если только она не захочет выбежать на улицу без верхней одежды, лишь бы разминуться со мной. Но это было бы чересчур мелодраматическим сценарием, а жизнь, как я уже подозревал в те свои юные годы, слишком мудра для дешевых мелодрам.

Чтобы мое ожидание возлюбленной не выглядело слишком прямолинейно, как ожидание возлюбленной, я купил себе газету «Спорт-Экспресс». Я даже поначалу хотел проделать в ней дырку для наблюдения, но, к счастью, не исполнил этого очередного приказания демонов.

Моя режиссерская экспликация сцены нашей внезапной встречи (а как известно, все внезапные встречи кем-то срежиссированы) выглядела следующим образом: я как будто случайно замечаю ее на подходе к гардеробу, выскакиваю из-за своей газеты, налетаю сзади (в рамках приличия), балагурю, помогаю надеть пальто. Ну, и дальше так, по мелочи: свадьба, дети.

В назначенный час я развернул «Спорт-Экспресс» и притаился в засаде. «Спорт-Экспресс» в тот день попался чертовски интересный. Я прочитал сначала про «Спартак», потом про «Манчестер Юнайтед», затем что-то про хоккей, хотя я и не очень жаловал хоккей, но в тот день в «Спорт-Экспрессе» про него было написано феноменально. И только когда дошел до бобслея, я внезапно вспомнил, что как будто о чем-то забыл.

Я убрал от лица газету и сразу увидел ее – свою возлюбленную, бесповоротно одетую в пальто, вероломно исчезающую в дверях на выход.

С тех пор я с какой-то особенной неприязнью отношусь к бобслею.

3. Вопросы философии: минус третья жена

В конце девяностых я страдал по одной девушке. Это было на моей первой работе.

Девушка была высокая, стройная, с наглым взглядом. То есть полная моя противоположность. Мы с ней монтировались, как дельфин и русалка, если предположить, что дельфин не натуральный, а консервированный.

Я видел многосерийные сны с ее участием. В этих снах у нас уже росли внуки, при этом наяву я встречался с ней только в курилке (тогда я еще умел курить). Мы иногда болтали. Я догадывался, что болтовня – это еще не повод звать ее замуж. Хотя я не был уверен. Позвать замуж очень хотелось.

«Как ты себе это представляешь, – спорил я сам с собою в многостраничных внутренних диалогах, – пойдем покурим, а заодно в ЗАГС заскочим?»

«Ха-ха-ха!» – театрально хохотал я себе в лицо.

Попробовать зайти с шестерок, а не сразу с козырей, ну, там, для начала пригласить ее на свидание, было не для меня. «Широко шагая», фильм с Дуэйном «Скалой» Джонсоном, – вот это про меня (за вычетом Скалы). Мы курили, и высокая, стройная, с наглым взглядом, она курилась передо мной в воздухе в волшебной неприступности, как тот айсберг, который выплывает из тумана в известном шлягере.

Есть такие мужичонки, самоуверенные не по генам. Этот типаж будто создан самой природой для женских разговоров про «мужик измельчал». Сам бледнолицый, потрепанный сквозняками судьбы, в очках на пол-лица, но при этом лезет в цветник и непременно в самый центр клумбы. И рано или поздно бледнолицый обязательно возвращается с розой, какой не каждый породистый гусар может похвастать. Подобные романы по драматургии чем-то напоминают усыновление беспризорных котов. И чего только женщины в таких находят. Но находят ведь что-то. И если ты не гусар, в тебе должно быть это самое «что-то», которым ты будешь брать в отсутствие лошади.

Как-то раз у меня с моим другом детства Семой состоялся на эту тему эпохальный разговор. Дело было еще в школьные годы, когда я и некий штатный красавчик нашего двора конкурировали за одну неприступницу. Сема тогда по-дружески пытался мне объяснить, что это не моя война. Что меня на ней убьют еще до начала битвы шальной пулей.

– Понимаешь, дружище, он смазливый, берет внешностью, а внешность не твоя сильная сторона, тебе надо брать чем-то другим, – философски рассуждал мудрый не по годам Сема.

– А чем мне надо брать? – спросил я друга с надеждой.

Сема долго-долго смотрел на меня и повторил:

– Нет, внешность не твоя сильная сторона.

С тех пор я терзался вопросом, в чем же она, моя сильная сторона, моя перчинка, и не находил ответа. Но однажды в офисной курилке, обкурившись с моей русалкой до кругов перед глазами, я решил, что моя изюминка – это ум. Накануне в журнале «Вопросы философии» как раз вышла моя статья (параллельно с первой работой я учился в аспирантуре).

На следующее никотиновое рандеву со своей возлюбленной я пришел во всеоружии. В руках я воинственно держал журнал «Вопросы философии», как иной гусар – саблю. Когда я появился, моя русалка уже была на месте, традиционно плавая в клубах дыма. Я не поздоровался и даже не посмотрел в ее сторону: я демонстративно развернул «Вопросы философии» и сделал вид, что читаю. Это наверняка выглядело дико: даже сейчас, представляя эту сцену спустя годы, я зажмуриваюсь от неловкости. Но трюк сработал.

– Что это ты читаешь? – спросила русалка, любопытная, как и все русалки.

– А, да так, тут моя статья, – ответил я дрожащим голосом и сунул ей под нос журнал, предусмотрительно открытый на странице с оглавлением.

Я экспрессивно ткнул в свое имя. Статья называлась «Философия образования Сенеки: кризис цicerоновского идеала». Глаза русалки моментально скосились к переносице, а левая бровь задергалась. Мне кажется, она сломалась где-то на середине слова «философия».

– Понятно, – соврала красавица, – ну, тогда я тоже почитаю.

И с этими словами она достала из сумочки сложенную вчетверо газету. Развернула ее и натурально принялась читать, покуривая.

На обложке, обращенной ко мне, была фотография голой женщины, а над ней название газеты – «Спид-инфо».

Была в девяностые такая газета, весьма далекая от вопросов философии.

4. Печень: минус четвертая жена

Когда в начале двухтысячных я защитил диссертацию и стал кандидатом наук, я долго думал, зачем я это сделал. Для ученого я был на удивление туповат.

Кроме диссертации с наукой меня больше ничего не связывало: на тот момент я, как и большая половина нашего выпуска, уже благополучно работал не по специальности и становиться за кафедру не планировал. Ученые в нашей стране неслучайно стоят за кафедрой: так можно изящно утаить тот факт, что они без штанов. На работе за кандидата наук меня, конечно, похвалили, но скорее с интонацией «а на фига козе баян». И все же я сумел извлечь из своего кратковременного визита в науку пользу.

Где-то я вычитал, что английским аналогом нашего отечественного «кандидата наук» является слово doctor, которое сокращается до аббревиатуры Dr. и ставится непосредственно перед фамилией ученого мужа. Ничтоже сумняшеся, я напечатал себе пачку визиток на английском языке, где победоносно присовокупил к своему непростому имени эту еще более непростую аббревиатуру.

Три дня я любовался новыми визитками. На этом польза от моей учености была исчерпана.

Но однажды моя степень выстрелила. Когда встреча, на которой все обменялись визитками, подошла к концу, и гости покидали переговорную, одна девушка замешкалась. Как оказалось – нарочно.

– Простите, – спросила она меня, смущаясь, – а вы какой доктор? А то у меня последнее время в районе печени что-то стало покалывать...

5. Недонжуанский список: минус пятая и шестая жены

И все же порой я попадал на свидания: так ошибаются дверью.

Дважды после первого свидания я не продолжил знакомства по собственной инициативе – так сказать, вручную захлопнул начавший было распускаться бутон. Хотя перспективы имелись. У мужчин, правда, иллюзии насчет их перспектив после первого свидания обычно сильно распухают, как простудный ячмень, причем сразу на обоих глазах. Но в этих двух случаях перспективы действительно были. По крайней мере, меня не избили моим же букетом и не прокляли до пятого колена в обе стороны, как на всех остальных свиданиях.

И в том, и в другом случае девушки были прекрасны. До сих пор не пойму, каким чудом эти феррари занесло на мое малое бетонное кольцо.

В первом эпизоде причиной моего отказа (если допустить, что девушки вообще мне что-то «предлагали», а мужское эго допускает такое на раз) послужили ее очки. Солнцезащитные очки, огромные, круглые, на пол-лица. Нет, девушка не просидела все свидание в них, не снимая, как агент царской охранки. Она в них пришла и снова надела, уходя. Но мне и этого хватило.

Всю ночь вместо эротических снов с участием новой знакомой мне снилась черепаха. Та самая, из советского мультика про львенка и черепаху, где они вдвоем пели песенку про «ее! покатай меня, моя большая черепаха!» Так вот, помимо «ее», в мультике на черепахе были огромные солнцезащитные очки, точь-в-точь как на той девушке. Тогда, в детстве, я этой черепахе до смерти испугался именно из-за ее аляповатых очков.

Таким образом, если записывать буквально, со слов пациента, я отказал красавице из-за детской травмы от мультика.

Во втором случае нас разлучили ботфорты.

Они были на девушке – высокие сапоги выше колен.

Вот тут-то эротическим снам и разгуляться бы по моему спящему тельцу во всей своей пикантной точности и остросюжетности. Но вместо девушки мне всю ночь снился Петр Первый. Тот, который царь. В своих грандиозных ботфортах почти до ушей. «Отсель грозить мы будем шведам» – у Пушкина Петр Первый говорил это, имея в виду свои ботфорты, конечно. Страшная обувь, ужасающая.

Проснувшись, я несколько раз честно пытался воспроизвести в уме светлый образ той девушки. Но вместо нее воспаленный мозг неизменно подсовывал мне усатого царя.

Чего я тогда испугался, медицине доподлинно не известно.

Вероятно, того, что девушка в первую брачную ночь начнет материться или закурит трубку. А возможно, и/или, как пишут в юридических документах. Что еще страшнее.

Вот такое я замороченное мачо.

Бедная, бедная моя жена...

Ей бы на первое свидание в ботфортах прийти. И/или в черепаших очках для верности.

А она явилась психически нейтрально одетая и беззащитная, бедняжка.

6. Идеал женщины

После моего рассказа про минус шестую жену и ее ботфорты Сема неодобрительно покачал головой и сравнил меня с подбитым танком, у которого сорвало гусеницу, так что он бессистемно палит в разные стороны.

Друг упрекнул меня в легкомысленности, в то время как еще древние и, в частности, Овидий, считали любовь «наукой». Сема настаивал, что я должен определиться со своим идеалом женщины. Вот прямо сейчас, не сходя с места. Овидий в те годы (как, впрочем, и в последующие) не входил в круг чтения Семы, который чаще цитировал журнал «За рулем». Но я решил все же подыграть другу, чтобы не бросать его в благородном порыве, столь редком в его исполнении.

Как заправский криминалист, Сема предложил мне составить словесный портрет моей идеальной женщины.

– Ну, не люблю тонкие губы, – говорю.

– Понятно, – отвечает Сема, – а глаза?

– Глаза должны быть большие, выразительные.

– Черты лица?

– Крупные.

– Крупные черты лица... Фигура?

– Эээ, не миниатюрная, такая – заметная, стройная, но не прозрачная от голода, а заметная, понимаешь?

– Нет, но мне и не надо, это твой идеал.

– Как тебе объяснить, не пигалица, крупная чтобы была, но стройная. И еще хотелось бы длинную шею – это элегантно.

Я сгружал в Сему все эти детали, как будто он стоял на выдаче идеальных женщин и через минуту должен был выписать мне со склада подходящую по моим параметрам.

– А стиль одежды, как она должна одеваться?

– Мини!

(Вообще-то я не такой одноклеточный, но тут – да).

– Что я могу сказать, дружище, тебе повезло. Есть экземпляр в точности под твоё описание.

– Как? Кто это? – не поверил я своим ушам и даже немного разволновался.

– Анжела, – говорит эта сволочь, а по совместительству – мой старинный друг детства Сема, – лошадь из советского мультика про цирк. Поищи в интернете.

Я поискал. Действительно, сволочь. И действительно – похожа.

7. Коллапс ловеласа: минус седьмая жена

Если составлять топ-чарт самых идиотских мест для знакомства с девушками, то на первом месте будет, безусловно, «ИКЕА». Потому что туда девушки ходят, в основном, со своими мужчинами.

Как-то раз на исходе третьего часа в «ИКЕЕ» я тихо-мирно висел себе на шторе возле стеллажа «Альберт» и меланхолически наблюдал за тем, как одна дама в зеленых уггах выбирает между зелеными тапочками и зелеными тапочками.

Внезапно чья-то спина загородила мне мой сериал. Я сфокусировался. Хотя спина у людей, взятая сама по себе, лишена какого-то высшего смысла, та, что воздвиглась передо мной, была невероятно сексуальна. Если уж спина настолько сексуальна, то что же тогда говорить обо всем человеке, подумал я и охватил взглядом всего человека. Им оказалась высокая стройная блондинка. Не такая стройная, конечно, как стеллаж «Альберт», но тоже очень ничего. Блондинка внимательно изучала что-то в той же корзине с зелеными и зелеными тапочками. В следующую секунду она повернулась ко мне, ошпарила меня взглядом и сказала:

– Ну что, готов раздеться и нырнуть со мной в тапки, Альберт?

Я тряхнул головой.

Блондинка стояла у корзины все в той же позе, спиной ко мне.

«ИКЕА», выпившая из меня последние соки, чуть не довела до цугундера: от усталости у меня, очевидно, начались галлюцинации, в которых красотка причудливо переплелась со стеллажом «Альберт».

Тем не менее, я посчитал галлюцинацию добрым знаком и решил действовать.

– Девушка, можно с вами познакомиться? – сказал блондинке не я.

А кто? Кто посмел сказать это без пяти минут моей блондинке?

Я даже слез со шторы, чтобы получше рассмотреть эту наглую рожу, которая не стала напрягаться и использовала такой пребанальнейший способ подкатить. Рядом с моей красоткой вертелся какой-то рыжий худощавый паренек размером с прыщ. «Да неужели?» – булькнуло мое уязвленное эго. Почему вот так всегда: чем короче, тем нужно длиннее?

Блондинка не успела ответить. Хотя не уверен, что она вообще собиралась. Потому что в этот момент из-за моей шторы, на которой я висел минуту назад, вышел двухметровый шкаф со сковородкой в руке. Не икеевский шкаф – живой шкаф с косой саженью в плечах. С саженью и со сковородкой, да. Я не знаю, что такое «косая сажень», но звучит угрожающе, а выглядел мужик именно так.

Дверцы шкафа тире ноздри мужика в бешенстве подрагивали. Это почти закон природы: если пытаешься познакомиться с красоткой, поблизости от которой заваялся ее мужчина, то им обязательно окажется чемпион мира по кёкусинкай. Двухметровый мужик и без сковородки провоцировал заикание. Даже у меня, невиновного. Мне было страшно просто от того, что я оказался в одном квадрате с его женщиной. А про рыжего доходягу и говорить нечего. Он, такой тепленький, просто просился в некролог. Здоровяк мог дунуть на него, и тот переломился бы в поясище. Я тихонько целовал штору за то, что она не отпустила меня к красотке и тем спасла мне жизнь.

Дальнейшее происходило беззвучно, как в немом кино. Говорили только взгляды.

– Беги, – сказал взгляд красотки.

– ААААА, – сказал взгляд рыжего прыща.

И прыщ побежал. Буквально. Опрокинув стеллаж «Альберт» на своем пути.

А взгляд двухметрового шкафа ничего не сказал.

И только по тому, как дернулась его рука, я понял, что шкаф инстинктивно собирался метнуть в рыжего сковородку. Красотка заученным движением выдернула утварь у него из сарделькообразных пальцев.

Видимо, не в первый раз.

8. Джунгли

Всю свою жизнь я пил камерно. И даже кулуарно, без общественного резонанса. Кухни, подъезды, дворы, плацкарты, скромные кафешки и шалманчики, максимум – буфет.

Когда друзья звали меня на дискотеку, я отказывался, поскольку там могли оказаться женщины. Женщины в ту пору представлялись мне в зоологическом ключе, в виде самок богомола. Чего я боялся, непонятно, ведь самки богомола съедают своих жертв после того-самого, а то-самое с моим испуганным лицом мне точно не грозило.

Но как-то раз в начале двухтысячных меня обманом заманили в настоящий ночной клуб. Мне пообещали джаз. Предложение послушать джаз в час ночи не показалось мне подозрительным. Меня обманули лишь отчасти. В том клубе на двух высоченных тумбах действительно стояли два саксофониста и наяривали танцевальную музыку под сопровождение диджея. Саксофон на таких оборотах ревел, как движок спорткара, но ритм задавал электрический. Мы еще не сели за столик, а я уже подпрыгивал, искря. В клуб мы попали по блату, через каких-то светских знакомых. Их там все знали, и они всех знали, я делал вид, что тоже всех знаю, но все как-то странно от меня шарахались, видимо, не желая знать меня.

Я пил коктейли. Я пил много коктейлей. Сначала я пил коктейли, потом коктейли пили меня. Я достиг своей любимой стадии опьянения – растворения в воздухе. Я парил над своей телесной оболочкой, эмигрировав под потолок. В какой-то момент я с удивлением обнаружил себя танцующим на столе под визг старлеток и фей или же стралеев и нимфеток, я не разобрал точно. Через минуту ко мне подошли и попросили не прыгать, потому что у диджея из-за моих прыжков из-под пальцев выскальзывают пластинки. Оказалось, что диджей витийствовал неподалеку, и наш столик вплотную примыкал к его рабочему месту. К слову, это был бластной столик, на антресолях, а может, и в ложе бенуара, я человек культурный, завсегдатай театров и опереток, и не знал, как это точно называется в клубах.

Я едва отдышался, как вдруг все вокруг завизжали, на сцене что-то взметнулось, и мои очки в одночасье запотели. Я успел протереть окуляры трижды, прежде чем сфокусировался: на сцене выступала стриптизерша. Настоящая буржуазная стриптизерша, которыми нас пугали на уроках политинформации в школе. На мой взгляд, ничего страшного в ней не было. «Багира! Багира!» – неслось со всех сторон.

Посмотрев выступление Багиры, я позавидовал Маугли. Я подумал, как хорошо, что с такой фигурой девушка не пошла на завод, не зарыла талант в землю. Мое сердце снова стучало на пятой скорости и еще шарило вокруг себя в поисках ручника, чтобы совершить полицейский разворот.

Я трагически плюхнулся на стул, понимая, что никогда в жизни мне не светит даже половина такой женщины (хотя зачем мне половина женщины, о чем я вообще тогда думал), как вдруг увидел Багиру прямо перед собой. Она подошла к нашему столику после выступления поприветствовать тех самых светских знакомых, с которыми я пришел. Багира предстала перед нами в своем человеческом обличье, то есть уже одетая. Я не мог отвести от нее взгляд, ведь только что я видел ее голой, а у меня хорошая зрительная память. Скорее всего, я не моргал.

– Бобер, выдыхай! – ласково сказала мне Багира, процитировав фразу из известного анекдота.

Все заржали.

– Бобер! Бобер! – полетело отовсюду.

Мне кажется, эти пьяные придурки даже не вспомнили тот анекдот. Я заканчивал вечер безнадежным бобром, бобром при Багире, такие вот джунгли.

На следующее утро в девять (фактически, в это же утро через пару часов) я сидел на работе. У меня было очень строгое начальство, к девяти приходили даже умершие.

Я перекладывал одну бумажку справа налево. Справа ей было ничуть не лучше, чем слева, но на большее я был не способен.

И тогда я подумал: как хорошо все-таки вот так сидеть и перекладывать бумажку справа налево. К чертям собачьим всех этих Багир. Их ни одно сердце не выдержит.

9. Лихорадка денге: минус восьмая жена

Ипохондрия, несмотря на свое романтическое название, не лучший спутник в амурных приключениях. Непросто преуспеть в сердечных делах, если каждые пять минут мерить пульс. Но однажды ипохондрия мне не только не помешала, но даже помогла. Точнее, попыталась помочь.

В тот день я сомнамбулически ехал после работы в метро, ничем не выдавая космосу своего присутствия. Внезапно мой взгляд упал на яркий рекламный плакат на стене вагона. Плакат рекламировал инсульт. Он в красках рассказывал, какие симптомы этому ужасу сопутствуют.

Представляется, что ипохондрики – это крайне неуверенные в себе люди. Все с точностью до наоборот. Ипохондрики – это гуру эгоцентризма. Они искренне верят в то, что все болезни мира придуманы микробами исключительно ради них.

Вперившись неморгающим взглядом в плакат, я принялся тут же, не отходя от кассы, проверять указанные симптомы на себе.

Первым делом я улыбнулся, так что щеки разъехались в противоположные концы вагона. Затем я поднял правую руку вверх. Наконец, я вслух произнес свое имя.

– Таня, – внезапно услышал я прямо перед собой.

Я отвлекся от плаката. Напротив меня стояла девушка.

– Вы знаете, – сказала девушка доверительно, – я в метро обычно не знакомлюсь. Но вы так смело и оригинально это делаете.

Я продолжал стоять с чеширской улыбкой и поднятой вверх рукой.

– Даже смешно немножко, – усмехнулась девушка, – как в «Макдоналдсе», свободная касса!

Я судорожно соображал, что же делать. В тот момент меня вдруг и правда бросило в нездоровый жар.

И я сразу догадался: это лихорадка денге. Мой друг Сема как-то привез это тропическое чудо из Камбоджи и в подробностях описал мне свои симптомы. Жар – первый из них.

Я пробормотал извинения и выбежал из вагона на следующей станции.

Не сомневаюсь, что после этого случая девушка Таня только укрепилась в своей привычке не знакомиться в метро.

Но я сделал это ради нее. Я не мог допустить, чтобы прекрасная незнакомка заразилась от меня редким (незаразным) тропическим заболеванием.

10. Лошарик

В вагон метро вошла девушка. Высокая, стройная, длинноволосая. Она сильно сутулилась. Словно всем своим видом неуверенно спрашивала: а я действительно высокая, стройная и длинноволосая?

На следующей станции в вагон влетел юркий паренек. В синих брючках, белой рубашке, отвратительно причесанный, прямо как из детского набора «Мой первый офис» (если бы такой набор существовал). Скорее всего, он ехал с выставки, конференции или тренинга. Весь гибкий, подвижный, на шарнирах – вылитый Лошарик из мультика.

Через секунду после того, как паренек очутился в вагоне, он без разгона, прелюдий и предисловий накинулся на сутулую девушку. Прямо с колес. Шел по проходу вдоль сидений, уперся в нее и тут же заговорил. Поезд предательски гроыхал своими потрохами, и я не слышал их разговора. А разговор был: девушка что-то отвечала и даже один раз засмеялась.

Паренек был незнакомке ровно по пояс. Моя бабушка называла таких «шпиндиками». Он дышал девушке в пупок. Ей наверняка было щекотно, и именно по этой причине она смеялась. Я придумал себе это утешительное объяснение, потому что мое обостренное чувство справедливости кололо где-то в районе печени.

Терпеть не могу шпиндиков. Глазенки даже не наглые, а нагленькие. А это большая разница, и второе хуже. Не отводит взгляда, лупит в жертву в две свои фары дальним светом. А вдруг у кого-то внутри – тонкая ювелирная вязь, и на нее таким пудовым взглядом смотреть противопоказано?

Именно этими нагленькими вертлявыми глазенками-мартышками шпиндик и сканировал периметр девушки. Мне отчаянно хотелось выковырять его противные глазенки. Выковырять, чтобы вставить их себе, конечно. Чего уж тут лукавить. Моя запатентованная технология взоров «долу, к мамкиному подолу» (с) никогда не способствовала нетворкингу.

И тут случилось совсем непотребное. Шпиндик внезапно попрощался с девушкой и выскочил из вагона.

То есть, получается, ему от нее ничего и не нужно было! Просто искусство ради искусства. Ему, короткометражному мультику, вдруг показали большое кино, а он взял и нажал на «стоп». Мое обостренное чувство справедливости плавно перерастало в язву.

«О люты человеки! – возопил я про себя сумароковским стилем, едва не порвав свою тонкую ювелирную вязь, – мать-природа, зачем ты расходуешь драгоценный тестостерон на тех, кто его не ценит! Отсыпь лучше мне полкило...»

Я так и застыл с патетически повисшей в воздухе рукой. Потому что в этот момент девушка выпрямила спину.

Ее волосы мгновенно распушились, как в рекламе шампуня. Глаза заискрились. Она даже стала выше, немного, на вершок, но именно этот вершок, украденный сутулостью, и отделял ее от Моники Белуччи.

Возможно, незнакомка уже и не вспоминала о шпиндике. Возможно, все еще думала о нем. Но это было не важно.

Важно, что вместо сутулой девушки перед нами в вагоне стояла Моника Белуччи.

И Лошариком из мультика в этой ситуации был явно не шпиндик.

11. Отсчет утопленников

Порой мироздание начинает разговаривать с тобой. Конечно, это происходит не буквально: «Эй, чувак, привет, я – мироздание, мне нужно тебе кое-что сказать». Возможно, у кого-то происходит именно так, но это повод не для радости, а для обращения к профильным специалистам.

Однажды мироздание заговорило со мной в вагоне метро. А меня в тот момент как раз терзал один вопрос, я был едва ли не физически изогнут в форме вопросительного знака: почему мои отношения с женщинами похожи на название фильма Питера Гринуэя «Отсчет утопленников»? Почему ни одна не может выплыть в моем мелком пруду?

Ответ мироздания оказался прямо у меня перед носом. Я понял это тотчас же, когда огляделся по сторонам. Да, я был пьян, но к мирозданию это не имело никакого отношения. Итак, мужчины вокруг меня в вагоне метро были все, как на подбор, рослые красавцы. Гранадеры. Баскетболисты. Дяди Степы-милиционеры. Гулливеры. Невероятно, но факт, ведь мироздание не мелочится в своих сообщениях. Каждый из мужчин в моем вагоне был выше меня ростом, причем значительно, раза в два.

Значит, все же дело в этом. Вот так банально. Ты просто страшненький, дружище. Ты – лилипут, коротышка, метр с кепкой, да и с кепкой ты не метр, кого ты обманываешь этими фразеологизмами. И речь вовсе не о том, что женщины любят высоких. Речь о том, что ты ниже любого среднестатистического мужчины. Вон, даже ребенок, совсем маленький ребенок, который стоит напротив, и тот одного роста с тобой, а ему на глазок сколько? – годика три от силы.

Постой, мироздание, захотелось мне впервые в жизни возразить мирозданию, ну это как-то уже совсем перебор. Одного роста с трехлетним ребенком, действительно? Не слишком ли гротескно?

И тут я понял, что сижу. Именно поэтому трехлетний ребенок и стоит напротив, ведь я сижу на местах для пассажиров с детьми и беременных женщин, нагло и вероломно. И по той же причине все окружающие мужчины в два раза выше меня – они тоже стоят.

Когда мироздание начинает разговаривать с тобой, порой не помешает для начала встряхнуть головой в плане профилактики: а вдруг это просто короткое замыкание. А потом уже встать и уступить место ребенку, вернув себе средний рост, а вместе с ним и среднестатистическую привлекательность.

12. Вуди Аллен Делон: минус девятая жена

Во всех своих фиаско с женщинами мне все же удавалось сохранить лицо. Забавное это выражение – «сохранить лицо», высший пилотаж невротизма. Словно это лицо фарфоровое, и его нужно удержать на тонких ниточках на голове, в противном случае оно упадет и разобьется вдребезги. В сущности, так оно и есть: у любого невротика фарфоровое лицо.

Но однажды я его не сохранил. Так низко, как в тот раз, ни мое лицо, ни я в целом еще не падали.

Это случилось на курорте. Мой амур внезапно сорвался с привязи и выбежал за дверь.

Я не вязал лыка, поэтому и не уследил за ним. Конечно, и до этого случая мне, пьяненькому, приходила в голову трезвая мысль познакомиться. Но обычно от самой наглости подобного намерения я моментально трезвел и терял кураж. А тогда, на курорте, я, видимо, накидался настолько качественно, что, даже протрезвев, остался достаточно пьяным.

Естественно, незнакомка была ослепительна, как же иначе. Не по Квазимоду Эсмеральда – это история моих знакомств.

Мое либидо встретилось с неадекватной самооценкой в районе пляжа. Жертва, ослепительная незнакомка, загорала на шезлонге. Я волок к ней свой шезлонг с другого конца береговой линии. По пути я переехал им несколько неповоротливых тетушек, распростертых на полотенцах. Я обрушил шезлонг рядом с красоткой, подняв тучу песка. Едва она откашлялась, из песчаной дымки проступил я, эротично развалившийся на лежаке.

Здесь стоит заметить, что лучшего момента для ухаживания за наядами было не найти. На том жизненном отрезке я находился в прекрасной форме и весил около ста кг. Я лежал рядом с незнакомкой, неотразимо мужественный. Мои красивые полные груди блестели на солнце. Мой живот отбрасывал на красотку гигантскую тень. Моя одышка вполне могла сойти за возбужденное дыхание страсти.

Курорт был иностранный. Девушка читала иностранную книжку на зарубежном языке. Поэтому я заговорил с ней по-английски. Она ответила. Мои атласные лежащие на животе мужественные груди и крупные градины пота на лысине сделали свое дело. Она была моей. Про западную врожденную интеллигентность, эмпатию и терпимость к идиотам я узнал значительно позже. Я беседовал с очаровательницей на английском, как на французском. Грассируя и растягивая гласные. Я чувствовал себя Аленом Делоном. Хотя, очевидно, в глазах незнакомки я продвинулся не дальше Вуди Аллена.

Разговор получался, как мне казалось. И вот наконец я решился поставить красотке шах и мат – пригласить ее куда-нибудь. «Restaurant» или «my room?» – перебирало варианты мое охреневшее эго. Я приподнялся на локте, подтянул к себе ноги, выбрал свой самый сексуальный взгляд из двух доступных и открыл рот. И в этот момент подо мной сложился шезлонг.

Слишком, слишком неудачно я распределил по лежаку свои сто кг. Шезлонг стремительно выскользнул из-под моей донжуанской задницы и ударил меня другим концом по голове.

Надо мной ржал весь пляж, вся береговая линия. Красотку скрутило от смеха так, что ее прибежали распрямлять несколько настоящих, не водевильных красавцев. Из глаз девушки ручьем лились слезы.

Никогда больше – ни до ни после – мне не удавалось разбудить в девушке таких сильных чувств. Тем более на первом свидании.

13. Гомофоб Павлик

После истории с минус девятой женой, которую я прорыдал Семе в его уже застиранную до дыр жилетку, друг постановил, что мне пора «отдохнуть от баб». На моем фоне это выражение прозвучало карикатурно, и я разрыдался еще больше. Сема вытер мне слезы и пригласил с собой в Амстердам. По его мнению, общество в чисто мужской компании пойдет мне на пользу (классическое заблуждение всех мальчишников). От отпуска, часть которого я провел на злополучном курорте, у меня оставалась еще целая неделя, и, как большинство отечественных трудолюбов, я отправился из отпуска в отпуск.

С нами поехал Семин приятель Павлик, с которым я до этой поездки знаком не был. Интересный человек, оригинал. Павлик страдал ксенофобией, аллергией, мизантропией и шовинизмом, как великодержавным, так и мужским. У Павлика были гипертрофированы все формы неприятия окружающего мира. Он словно ходил в невидимых белых перчатках и брезгливо морщился.

В «Шереметьево» Павлик заявил, что незачем ехать в Амстердам, к этим «пидорам». Одним из главных божеств в его древнегреческом пантеоне была гомофобия. Правда, устоявшаяся уменьшительная форма его имени «Павлик», вечная утомленность членов и брезгливая кривизна тонких губ несколько контрастировали с его убеждениями.

В Амстердаме Сема, организатор поездки, зачем-то поселил нас с Павликом в один номер. Мой предприимчивый друг объяснил это соображениями экономии. Учитывая, что сам Сема разместился в люксе, понятно, на ком и ради кого он сэкономил. В этом был весь Сема – незаконнорожденный внук Остапа Бендера.

В нашем с Павликом номере стояла огромная, развратная в своем великолепии и великолепия в своем разврате двуспальная кинг-сайз кровать. «Я вовсе не для сна», – намекала кровать своими размерами и раскидистым балдахинном. Всю неделю, пока мы пробыли в Амстердаме, я спал, как король в позе звезды. Гомофобствующий Павлик жался к самому краю, чтобы не уступить ни пяди своей сияющей гетеросексуальности в спорадическом контакте с поверхностью другого мужчины.

Как-то утром я проснулся раньше Павлика и пошел принять душ. Пока принимал, под грузом капель устал и решил ненадолго прилечь в ванну отдохнуть. Техногенный водопад из душа ласково омывал мое брненное тело. Розовые птички с кафельной плитки внезапно расправили крылья и закружились под потолком.

Я понял, что сплю. Запах голландских печенок, пропитавший стены в этом городе, сделал свое психоделическое дело: мне приснился какой-то особенно нереально реалистичный сон. Я ступал по сочному мху, охавшему от каждого моего шага. Вокруг порхали кафельные птички. Лианы ласкали меня длинными зелеными пальцами. Из клокочущей чащи мне навстречу вышла потрясающей красоты девушка. Нагая и первобытная, несказанно прекрасная, как те актрисы из нехороших фильмов. Незнакомка приблизилась ко мне и что-то сказала. Ее тонкие губы брезгливо искривились. Я вздрогнул и открыл глаза.

Надо мной склонился Павлик. Он держал меня за руку. А я был непоправимо обнажен в своей ванной сонливости.

– Твою мать! – сказал Павлик.

Он отдернул руку и отскочил назад почти к самой двери. Это был явный мировой рекорд по прыжкам назад в закрытых помещениях.

Я инстинктивно прикрыл предмет Павликовой гомофобии.

– Нет, нет, нет! – троекратно не согласился с чем-то Павлик и выскочил из ванной.

Когда я привел себя в порядок (а там было, что приводить в порядок, начиная со спутанных мыслей и заканчивая вставшими дыбом волосами на груди и руках) и вышел, в номере вместо Павлика меня поджидал Сема.

– Павлик очень извиняется, – сказал Сема, – ты все не так понял.

Я вспомнил руку Павлика на себе и еще раз вздрогнул.

– Не-не, все не так, – возразил Сема на тремор моих конечностей, – понимаешь, ты в ванной торчал целый час. Павлик стучал, а ты не отвечал. Он подумал, что тебе плохо и вошел. А ты лежишь на дне ванной без признаков жизни. Вот Павлик и бросился тебе пульс щупать, а ты возьми да очнись. Как всегда, не вовремя.

На обратном пути в Москву в самолете нам с Павликом досталось сидеть рядом в хвосте у туалетов. Сема снова на чем-то там сэкономил и оказался в бизнес-классе.

Все четыре часа полета Павлик смотрел, не моргая, прямо перед собой, вцепившись в кресло побелевшими пальцами.

Поверженный рыцарь ордена гомофобов, он вобрал все конечности обратно в себя, чтобы только ненароком не покраснеть удушливой волной, слегла соприкоснувшись рукавами.

14. Голубые береты: минус десятая жена

Только очень смелые юноши назначают свидания на 2 августа, на день ВДВ. И уж совсем отчаянные храбрецы в этот день ведут своих избранниц в парк Горького.

Именно такое свидание однажды случилось в моей жизни – 2 августа в парке Горького. В те годы, как, впрочем, и поныне, я не был ни смелым, ни отчаянно храбрым. Скорее – просто банально глупым, если оценивать себя с высоты прожитых лет.

Мы с моей спутницей медленно двигались посреди группы веселых десантников, бредущих в сторону метро «Парк культуры», стараясь ничем не выдать своего присутствия, включая дыхание. Девушка была страшно напугана. Она истошно шептала мне на ухо, мол, смотри, это они, те самые, у них синие шапочки. А я молился про себя, только бы парни не услышали, как она называет их гордые голубые береты синими шапочками.

Далее девушка тем же свистящим, как проколотое колесо, шепотом поведала мне все услышанные когда-либо городские легенды про то, как у них (я прямо видел в ее голове эти огромные от ужаса буквы – «У НИХ») иногда не раскрываются парашюты, но ОНИ такие крепкие, что не разбиваются, а от удара о землю становятся только злее.

Я слушал ее причитания и проклинал про себя тот день, когда вместо ВДВ я пошел в МГУ. Вроде тоже три буквы, а какая разница. Жизненно важная разница. Я судорожно пытался найти в окружающем меня аду нечто, способное успокоить, прежде всего, конечно, меня (мою спутницу с такой глубокой мифологией в голове успокоить уже ничего не могло). И внезапно нашел.

Прямо перед нами шел здоровенный десантник. Всю дорогу он двигался, широко разведя татуированные руки в стороны. Он фактически плыл над толпой, словно вся синева расплескалась конкретно на его берет. Иногда десантник оглядывался на идущих позади, и все видели его добродушную широченную улыбку. И тут я понял: он идет так, потому что хочет обнять весь мир, в том числе и меня с девушкой, если я ему попадусь, он счастлив и добр. Я тут же поделился этим открытием со своей спутницей. Чем дальше мы за ним шли, тем больше умиротворялись. Мы просочились в метро также все вместе, здоровенный десантник ступил перед нами на эскалатор, по-прежнему держа руки в стороны в дружелюбной попытке обнять весь мир. В этот момент спутница призналась мне, какой он милый и, пожалуй, даже интеллигентнее некоторых ее знакомых. И тут послышался звон и треск.

Здоровяк со своими широко растопыренными в стороны ручищами доехал до первого плафона на эскалаторе и снес его, не прикладывая к этому никаких дополнительных усилий. За первым посыпался второй, третий, четвертый светильник. Толпа за нами улюлюкала, летели стекла, дежурная внизу визжала через динамики. А мы с девушкой ехали за ним, притихшие и замороженные.

Я не мог этого видеть, но был абсолютно уверен, что он продолжает блаженно улыбаться.

Внизу, на станции метро «Парк культуры», моя спутница неожиданно предложила мне дальше ее не провожать. Это было обидно, особенно если вспомнить, как только что я фактически спас ее от верной гибели.

Желая как-то вернуться в игру, я признался девушке:

– Ты знаешь, а ведь у меня тоже есть берет.

И тут же зачем-то добавил:

– Только он не голубой, а в клеточку.

Девушка изучающе посмотрела на меня. Я понял, что в этот момент она мысленно примеряет на меня берет в клеточку.

Моя спутница попрощалась, и в ее голосе было в разы больше решимости, чем даже минуто назад, когда она предложила ее не провожать.

Я остался один на станции метро «Парк культуры». Вокруг меня на головах мерно покачивающихся в такт своему опьянению гренадеров плескалась синева.

И все-таки одну вещь в тот день я сделал правильно: свой берет в клеточку я оставил дома.

15. Лошадь Паратова

В фильме «Жестокий романс» я в худшем случае ассоциирую себя с Карандышевым, в лучшем – с лошадью Паратова.

Что-то не то у меня с самооценкой...

Видимо, где-то тут и следует искать аномалию, минусовавшую моих жен.

16. Когда плачет Габбана

Я – антиикона стилия. На мне модное не сидит, а валяется. Если я надеваю модное, оно на мне моментально выходит из моды. Если я вообще надеваю что-то, хоть носки, миль пардон, где-то плачет один Дольче и один Габбана.

Одно время я пытался спрятать свой антигламур под толстовками. Но даже толстовки сидели на мне так, как будто я Толстой. Из мешка торчит маленькая голова – мой автопортрет в толстовке.

Инстаграм меня блокирует сразу на входе, из бутиков меня выгоняют, как Джулию Робертс в «Красотке».

Любой шейный платок выглядит на мне как носовой, а любой галстук – так, будто меня на нем собираются повесить.

Майки с принтами встают у меня колом на животе, так что любой рисунок немедленно превращается в карикатуру.

Однажды я купил красивое цветастое кепи и какой-то невероятный радужный шарф. Они, конечно, не сочетались, но в моем случае это нормально: у меня и голова с телом не очень-то сочетаются.

В таком виде я показался своей старой знакомой, которая когда-то работала в модном журнале. Знакомая долго меня разглядывала, а потом сказала:

- Что-то здесь лишнее...
- Что лишнее? – спросил я.
- А! Поняла! Здесь лишнее – ты.

17. Лицо

Однажды Сема наблюдал, как я ухаживал за очередной своей несчастной любовью. Все девушки, которых я выбирал, автоматически становились моей несчастной любовью, хотя сами при этом выглядели вполне счастливыми. Я не то чтобы ухаживал: есть такой замечательный анахронизм – волочился. Так вот, я за девушками именно что волочился, как консервные банки за машиной молодоженов.

Друг решил мне помочь и заявил, что моя техника пикапа (он специально так обозвал мой метод, чтобы меня унизить) неприемлема и унижает мужское достоинство:

– Чего ты лебезишь?

(Еще один замечательный анахронизм).

На мой вопрос «а как надо?» Сема ответил, что нужно держать женщину на расстоянии и демонстрировать неприступность. Из практических советов прозвучал один: стоять при избраннице монументально, с каменным лицом, и косплеить Ленина. Мужское лицо, как заметил мой ловеласистый друг, – мощное оружие. Мол, профессионалы умеют управлять женщиной одной бровью, вообще без слов. Мол, сам он всегда именно так и делает, и женщины на него слетаются, как на запретный плод. Эта метафора оказалась настолько яркой, что в ту же ночь мне приснился дивный сон, в котором женщины, которые почему-то были в образе пчелки Майи, пикировали на Сему, который почему-то был в образе Винни-Пуха. Сон странный вдвойне, ведь мультики не снились мне с детства.

Через некоторое время после этого дружеского мастер-класса я случайно столкнулся на улице с девушкой, за которой Сема в ту пору ухаживал. Мы поболтали, и в конце разговора я игриво спросил ее:

– Семе привет передать?

– Нет, не надо.

– А, понимаю. Сама передашь?

– Нет, сама тоже не передам.

Повисла неловкая пауза. Было слышно, как на ветру шелестят мои брови.

– Странно, – заметил я, решив, что пора отстаивать геополитические интересы друга, – он же вроде тебе нравится...

– Кто, Сема? Я тебя умоляю. У него вечно такое лицо, будто он просрочил ипотеку.

18. История, которую я не рассказал даже Семе

Я слонялся в торговом центре и поравнялся с плакатом, рекламирующим магазин женского белья. На рекламе, как ни странно, была женщина в нижнем белье. Красивая. Улыбается. Я тоже начал ей улыбаться. Смущаясь и отводя глаза. Женщине. На плакате.

Это заметила другая женщина, которая шла мне навстречу. Живая. Не нарисованная.

К несчастью, настоящая женщина заметила, что я улыбаюсь нарисованной, раньше меня самого. Зачем я улыбался нарисованной женщине – это отдельный вопрос, возможно, даже медицинский.

Я похолодел. Наверняка эта дама решила, что я чокнутый, предположил я.

Я тихонько обернулся, чтобы как у Леонидова в песне... Ну, посмотреть, не обернулась ли она.

А она обернулась.

И когда живая, не нарисованная женщина увидела, что я тоже обернулся, она нервно ускорила шаг.

Ой, все.

Вот если бы я не обернулся, возможно, она бы ничего такого и не подумала. А так – перебор, конечно, однозначно.

Подсознание, сволочь, какого лешего ты перемигивалось с той нарисованной женщиной за моей спиной? Тебе что, лифчики вообще нельзя показывать? Позоришь только меня перед людьми...

Семе я рассказываю о себе многое. Гораздо больше, чем ему нужно обо мне знать. И уж точно гораздо больше того, что одному человеку безопасно знать про другого. Я будто бы прихожу на наши встречи с переносной католической исповедальней, каждый раз любезно приглашая Сему внутрь.

Но эту историю я не рассказал даже Семе. У него тогда еще брезжила надежда на то, что мой обратный отсчет жен однажды закончится, и я навсегда распрощаюсь со своим единственным в мире отрицательным гаремом. А эта история окончательно ставила на мне крест, размашисто, жирным красным карандашом.

19. Она

Когда до мачо мне оставалось два визита в фитнес-клуб, одна пломба и пятнадцать сантиметров роста, пришла она. И сразу все испортила.

Бабы уже были готовы идти дождем. Я расставлял тазы, ведра и прочие емкости. Но тут она.

Она пришла воровато, в ночи, под утро, и тихо села на голову.

Сверкающая и гладкая, до омерзения глянцева.

Лысина.

В зеркале на меня смотрело полное фиаско. Полное, потому что к моменту прихода лысины в мою жизнь в ней уже поселился лишний вес.

Первой моей реакцией, реакцией нормального среднестатистического тщеславно-лживого инстаграм-горожанина, было лысину спрятать. Стереть ее с лица земли, точнее, с головы лица.

Лучше всего прятать лысину, конечно, под кивером. Это такой гусарский головной убор. Но для кивера мне немного не хватило – века этак два.

Также вполне пристойно скрывать лысину под каской, но к строевой службе я был с младенчества негоден.

Все остальные современные покрытия для черепа, как-то: шляпы, кепки, буденовки, чепчики, колпаки, – не решали моей проблемы в закрытых помещениях, где принято ходить простоволосым.

Мне пришлось искать другой выход. И, как потомственная икона стиля (спортивные трусы моего деда, обхватом в две московские области, гремели на всю округу), я этот выход нашел.

Дело в том, что лысина поразила меня не тотально, а скорее локально, по типу Ильича. Вдоль моего кумпола посредине пролегла безволосая межа, от темечка до лба. А по краям головы волосы продолжали расти, даже с какой-то утроенной прытью, видимо, от страха при виде межи.

Я самозабвенно отращивал эту боковую шевелюру и зачесывал ее противоположно росту – не вниз, а вверх. Со временем у меня на башке воздвигся полноценный Гранд Каньон. Нависающие с двух сторон волосяные стены отбрасывали тень, в которой блекла ненавистная лысина. В темное время суток, да при эрогенном свете торшера, я был еще очень даже ничего, тот еще гусар, даже без кивера.

Правда, матушка по ночам тайно ворожила на приворот ко мне парикмахерши. Или парикмахера: пол в данном случае роли не играл.

– Постригись, сынок, постригись! – умоляла меня не только матушка, но также перепуганные домашние цветы и кот.

Но гусара стричь – только портить, это же общеизвестно.

Девушки, правда, не шли. Ни дождем, ни даже тонкой стружкой. Ни капли девушек с неба за долгие дни, да что я вру, недели, да что я опять вру, месяцы.

Меня от меня спас, как всегда, мой немногословный отец.

Как-то раз он подвел меня к клетке с домашним хомяком и молча указал мне куда-то в тыльную часть животного. Я присмотрелся.

Там, на заднице грызуна, по бокам с двух сторон обильно кустилась шерстка. А посередине, между кустами, ничего не было, точнее была, собственно, она – задница.

На следующий день я побрился налысо машинкой в парикмахерской.

Перспектива проходить всю оставшуюся жизнь с жопой хомяка на голове меня не прельщала.

20. Парад планет: минус одиннадцатая жена

Карина влюбилась в меня без памяти.

Конечно, мужское подсознание – тот еще наглец и подобную фразу выдает в отношении каждой женщины, встреченной мужчиной на жизненном пути.

Но в моем случае разразилась настоящая катастрофа. Карина действительно влюбилась.

Сначала это было как тихий рокот в облаках, лишь предвестием грозы. Мы с Кариной вращались в общей компании, и разные знакомые приносили мне эти новости контрабандой и выдавали из-под полы: Карина влюблена.

Потом громыхнули первые раскаты, когда однажды ее подружка схватила меня за грудки в курилке: Карина влюблена.

Наконец, больше не надеясь на почтовых голубей, на одной довольно бесстыдной вечеринке, где почему-то перелюбились очень многие и даже совсем посторонние люди, Карина сама призналась. На фоне массовки из «Калигулы» наш тургеневский разговор выглядел странно.

В тот период своей жизни я находился в удивительной форме. Я весил под сто килограммов. Я как раз начал лысеть и не принял этого, бросив матушке-природе вызов в виде косматых наростов по периметру головы вокруг стремительно расплывавшейся плечи. Я много пил, поэтому ходил краснорожим, как герой Конан Дойла из «Этюда в багровых тонах», но на этом сходство заканчивалось. Я бросил спорт, отчего бицепсы в компании с кубиками пресса ушли к группе «Чай вдвоем». Я носил сомнительные очки в профессорской оправе. Я одевался в строгие костюмы и одалживал папины галстуки, а папа не покупал новых галстуков с начала восьмидесятых.

Это одна часть пазла. А вот и вторая.

Карина была дико, первобытно красива. Начиная с имени. В ней оказалось намешано больше двух кровей, а это всегда коктейль Молотова. Взглядом она нарезала мужиков ломтями. Карина была черногровая, темноокая, смолянисто-тягучая, невыносимая. Словно тени отпустили ее на часок к нам, смертным.

Нельзя сказать, что Карина мне совсем не нравилась. Я отдавал ей должное, скажем так, эстетически. Но мое сердце, погребенное под слоем жира, молчало. Возможно, в те годы в него вообще плохо поступала кровь, а бицепса, чтобы подкачать давление, уже не было. Любого другого на моем месте уже давно раздавило бы в лепешку, а я не только психически здравствовал, но еще и придумывал наименее обидные отмазки. Отмазки от богини!

Ничем, кроме вывиха здравого смысла и отороженностью судьбы, происходящее было объяснить нельзя. Первая красавица Москвы влюбилась в последнего уродца столицы, а жирный, лысый, очкастый, краснорожий субъект в папином галстуке воротил нос от неотразимой посланницы теней. Ни ее любовь, ни мое равнодушие не умещались ни в одном медицинском справочнике.

В тот день, в день ее признания, я воспользовался отмажкой Татьяны про то, что я другому отдана и буду век ему верна. В смысле, это цитата, в попытке не навредить самолюбию Карины я не стал заходить настолько уж далеко. Тем более никто бы и не поверил: таких страшных геев не бывает. Короче, я признался Карине, что несвободен, она спросила, есть ли надежда, и я, как доктор Мясников, благородно ответил ей, что надежда есть.

Это была ложь. Не про надежду (кто я такой, чтобы отказывать в надежде), а про другую женщину. В то время я был одинок, чем, как я теперь уверен, оказал неоценимую услугу всем девушкам Москвы и ближайшего Подмосковья.

Так я проходил персонажем из фильма Бертрана Блие «Слишком красивая для тебя» почти полгода. Компания собиралась часто, мы с Кариной виделись почти каждую неделю.

Она продолжала стрелять в меня своими взглядами типа «земля-земля», а когда случайно промахивалась, за моей спиной замертво падали одно-два мужских тела. Правда, через какое-то время Карина стала появляться на людях в сопровождении высокого адского bruneta, срисованного с той же подарочной открытки, что и она сама. В определенный момент даже я при виде его вопиющей красоты заколебался, но «таких страшных геев не бывает», мы помним.

При этом своим многочисленным подружкам Карина признавалась (а они потом мне), что с brunetом у нее ничего нет, как бы тот ни ходил вокруг нее колесом, ведь brunet обычный, а он (я) такой красавчик. Многочисленные подружки давились тем, что в тот момент ели или пили, визжа: «Это он-то красавчик?!» Эти свои диалоги с повизгиваниями подружки потом с плохо скрываемым удовольствием передавали мне, настойчиво требуя от меня согласиться с тезисом, какой же я урод.

Даже если меня однажды пригласят на передачу к Малахову на детектор лжи и возьмут у меня пробы ДНК (зачем не знаю, они там у всех берут), то и в этом случае я не смогу объяснить, почему тогда отказал Карине. Страх до смерти влюбиться в «такую», неуверенность в себе, уверенность в себе, природный идиотизм – можно только гадать.

Как-то раз на одной из наших тусовок ко мне подошел парнишка из компании. Мы с ним мало общались, я лишь знал про него, что он работает переводчиком. Парнишка начал путано бормотать про то, что я оказался в уникальной ситуации, которая выпадает человеку раз в жизни, когда кошка дважды дергает лапой, зацветает папоротник, сурок выползает из норки, а Венера сходится с Марсом в параде планет. Я ничего не понял и еще удивился, как это такой косноязычный человек устроился переводчиком.

Скоро компания самопроизвольно рассосалась, растворилась в тумане событий. Мы с Кариной больше не виделись, а еще через некоторое время я узнал, что она обрюнетилась. Те же самые повизгивающие подружки потом услужливо показывали мне их свадебные фотографии: Карина выглядела на них счастливой и настолько красивой, что у меня засосало под ложечкой. Правда, теперь все это мое столовое серебро уже могло спокойно оставаться при мне, больше никому не нужное.

Прошло много лет, но до сих пор по ночам я иногда слышу, как там, на верхотуре, беседуют Венера с Марсом.

– Давай, что ли, опять сойдемся? – спрашивает Марс.

– Тю. Ради кого? Ради этого придурка? Так он все равно не оценит, – отвечает Венера.

И Венера с Марсом раскланиваются и чинно расходятся по своим орбитам.

21. Бегущая по волнам: минус двенадцатая жена

Однажды мне показалось, что я близко. Что в куртуазном портале что-то внезапно сломалось, и он открылся для того, для кого никогда не был предназначен – для меня.

Я сидел в кафе за столиком, один, в ожидании бизнес-ланча. Очень красивая девушка, нет, не так, **ОЧЕНЬ** красивая девушка у входа помахала мне рукой, улыбнулась, поправила волосы, потеревшая сережки – все как из учебника по языку тела. И затем прямо с порога, с места в карьер, даже, по-моему, с легкой пробуксовкой, стартовала и пошла, да что там пошла, прямо-таки побежала ко мне, побежала по своим невидимым эротическим волнам, по волнам нашей судьбы, чьи нитки были до поры спрятаны в складках времени.

Не беги ты, глупенькая, я никуда не денусь, мне еще даже салат не принесли, пробормотал я про себя, ну и, конечно, улыбнулся ей в ответ и приветственно сделал ручкой, правда, значительно скромнее, чем она, не так откровенно, я же мужик, я знаю себе цену... И, поскольку я не Джордж Мартин, а моя книжка не «Песнь льда и пламени», красавица, естественно, пробежала мимо меня к красавцу, сидевшему за столиком у меня за спиной.

Больше всего тогда меня огорчил даже не тот факт, что я так самонадеянно ошибся. В принципе, я давно уже привык к тому, что по своей воле ко мне подходят только милиционеры и гопники. Больше всего меня огорчили те несколько бросающих в жар неловких секунд, когда незнакомка проходила мимо меня, прекрасно понимая, кому я строил свои псевдосексуальные рожицы, и в ее взгляде членораздельно читалось: «Действительно? Ты себя в зеркале-то давно последний раз видел?» И еще меня огорчил смачный звонкий поцелуй за моей спиной, настолько сочный, что он рисковал перерасти в прелюдию.

Ведь это они нарочно, мерзкие полубоги, чтобы меня позлить.

22. Страх и ненависть в Краснодаре

Как-то раз в середине двухтысячных начинающий финансовый воротила Сема поехал в командировку в Краснодар. Видимо, в тот момент в Краснодаре были внезапно обнаружены деньги: просто так Сема не поехал бы.

Как и полагается сибаритствующему помещику, Сема взял с собой свиту – меня и еще одного нашего общего друга детства Лешу Невидимку. Проживание, еду и билеты на самолет Сема нам оплатил. Хотя продавать билеты на кукурузник времен войны (первой мировой), который летал в те годы в Краснодар, со стороны авиакомпании было немилосердно: в пору пассажирам доплачивать.

Мы заселились в лучшую гостиницу города. Там в душе даже водилось два вида воды, а не только холодная, моментально превращающая тебя в пломбир.

Мы переночевали и утром встретились за завтраком. Вид у друзей был смурной. Я же прекрасно выспался и сиял.

– Целую ночь названивали, – пробурчал полусонный Леша.

– Да? Тебе тоже? – подхватил Сема. – От меня только под утро отстали, когда я им сказал, что у меня во Вьетнаме все оторвало.

– А кто названивал-то? – поинтересовался я, по-прежнему сияя.

– Нехороших женщин по телефону предлагали, – смущаясь, объяснил Леша.

– Ну, почему сразу нехороших, – поправил друга Сема, но Леша зыркнул на него таким ортодоксальным взглядом (на тот момент Леша уже был женат), что Сема не рискнул продолжать.

Я сидел в прострации и намазывал масло на палец. Что же это делается, люди добрые. Этим двум клоунам до утра предлагали нехороших хороших женщин, а мне в номер вообще ни разу не позвонили. Дали выспаться называется, спасибо. Получается, мне и нехорошие женщины не светят. Даже Леше позвонили. И не один раз.

Я смотрел на Лешу исподлобья. Мне хотелось вырезать ему сердце чайной ложкой, как говорили в боевиках восьмидесятых. Она была мне больше не нужна: чай все равно теперь не ползет мне в горло.

23. Пистолет под пиджаком: минус тринадцатая жена

С моей машины украли зеркала. Возможно, мироздание таким элегантным образом намекало мне на мой нарциссизм.

Я отправился в местное ОВД писать заявление. Мне выдали талончик и сказали ждать опергруппу, с которой я должен был поехать к моей машине.

Пока я ожидал в сторонке, к окошку дежурной части подошла девушка. Она представилась дежурному адвокату и передала ему стопку документов. Тот сказал, что выдаст ей талончик чуть позже. Девушка встала неподалеку от меня.

Я смотрел на нее как в песне – искоса, низко голову наклоня, пытаюсь ничем не выдать своего интереса. От неестественного положения шеи я чуть не упал в обморок, видимо, пережав какие-то жизненно-важные сосуды. Девушка-адвокат была невероятно хороша. Тот факт, что такая потрясающая девушка вдобавок могла тебя еще и защитить, кружил голову. Хотя, возможно, голову мне кружил все-таки неудачно пережатый жизненно-важный сосуд.

В какой-то момент девушка-адвокат все же перехватила на подлете мой партизанский взгляд и спросила:

– Простите, а вы тоже талончик ждете?

Я не мог не отреагировать. По сути, она сама подставилась.

– Нет, – ответил я с металлом в голосе, – я жду опергруппу.

И я сделал характерное движение, словно поправлял под пиджаком пистолет. Пиджак на мне действительно был, в отличие от пистолета. Я хотел добавить «гражданочка», но решил, что столько Жеглова моя истинная сущность не потянет.

Девушка-адвокат с интересом разглядывала меня. А я в мечтах был уже далеко, в ее квартире, прикидывая, как бы мне снять пиджак так, чтобы она не обнаружила отсутствие пистолета.

И тут передо мной возник полицейский.

– Это у вас зеркала сняли? – спросил он.

Девушка-адвокат на заднем плане явно прислушивалась.

– Я жду опергруппу, – попытался я спасти положение, добавив еще металла в голос.

– Все, дождались, мы опергруппа, поехали к вашей машине.

Мне показалось, что девушка едва заметно улыбнулась. Все-таки эти адвокаты видят людей насквозь. Вплоть до несуществующего пистолета под пиджаком.

24. Русалочка

В какой-то момент в целой обойме друзей остался только один холостой патрон – я. Остовы моих ровесников догорали в бурьяне браков, а я летал по небу все такой же ослепительно серебрянокрылый, гордый и никому не нужный.

Женатые друзья везде таскали меня с собой. Они таскали меня в качестве передвижной декорации: им нравилось разжигать друг перед другом костры тщеславия на фоне моего мрачного лица. В моих кулисах друзья с аншлагами давали один и тот же посредственный, надо сказать, спектакль под названием «Никогда не женись». Эта фраза, произносимая обязательно с томной декадентской интонацией, формально говорилась в мою сторону, но истинным ее адресатом, конечно, были их жены.

Эти одомашненные кобели и думать не думали о моих чувствах. Ведь это только с виду я был серебрянокрыл. Но неужели они не понимали, что невелика радость парить в небесах вместе с недалекими голубями, не видевшими дальше своих хлебных крошек? Я бы нисколько не возражал, если бы меня окольцевали: не такая уж и гордая это птица – самолет. Я был и сам не прочь небрежно бросить в кого-нибудь с усталой интонацией, испуганно озираясь, как бы меня не услышала вышестоящая инстанция, беседующая с подругами: «Эх, брат, поверь мне, никогда не женись!»

И однажды я все это друзьям высказал. Мы как раз были впятером в походе: Сема и Леша Невидимка с женами и палатками плюс я, без жены и даже без подозрения на оную, не говоря уже о палатке, – к тому же, все пьяные, то есть в идеальных условиях для душераздирающего признания. Там, на фоне драматического заката, из меня вывалилось с горкой и про стакан воды в старости, и про наш древний княжеский род, который на мне прервется, и про бессмысленность накопленных мной миллиардов. По всем пунктам сильно зашкаливало. Старости с ее водами тогда еще даже не мерещилось, род наш был не таким уж и древним и, тем более, ни разу не княжеским, а мои миллиарды если и накопились, то исключительно в моей голове, не уведолив об этом банки.

Тем не менее, получилось вполне себе слезливо, с надрывом, в лучших традициях застольных песен пьяного русского мужика.

Больше других расстроился Леша. Он всегда был искренним и воспринимал мир без фотошопа. В тот вечер Леша не ложился спать дольше всех.

Проснувшись, а, точнее, очнувшись, как этот процесс обычно и выглядит с похмелья, первым делом я увидел остальных. Они сидели неровно нарисованным кружком у потухшего еще накануне костра и представляли собой жалкое зрелище, плачевнее руин древних Помпей раза в три.

– Вон. Принимай невесту, – буркнул мне мрачный Сема.

Я посмотрел туда, куда он мотнул головой. Там из прибрежного речного песка (мы разбили палатки у реки) кто-то вылепил мне женщину. Она лежала на боку топлес и, судя по тому, что ее ноги были недолеплены и представляли собой все тот же бесформенный массив песка, косила под русалку.

– Это твой сердобольный друг Леша постарался, – объяснил Сема.

На этих словах мой сердобольный друг Леша, и правда, сердобольно улыбнулся, взглянув на меня, как на смертельно больного.

Во время своих археологических экспедиций Леша проводил много времени в земле и наострил себя обращаться с сыпучими субстанциями: за вычетом ног изваяние было очень даже ничего себе.

– Кстати, она согласна, – не унимался Сема.

– Какой же ты придурок! – неожиданно крикнула ему в ухо жена и метнулась обратно в палатку.

– Они еще вчера поссорились, – прокомментировал Леша, также сердобольно посмотрев на этот раз на Сему, – когда ты уже спал.

– Поссорились... – задумчиво, нараспев повторил Сема и добавил, обращаясь к Леше, уже громко, явно с расчетом на то, чтобы его услышали в палатке:

– Слушай, Микеланджело, а сделай-ка ты еще одну такую же, для меня!

25. Секреты Лос-Анджелеса

Как-то раз мы с Семой одновременно оказались в Лос-Анджелесе. Оба приехали каждый по своим делам, не вместе. Есть в этом все-таки высшая справедливость, когда двое выпускников московских подворотен встречаются в Калифорнии, на Голливудском бульваре. Мы и в Москве-то редко сталкиваемся нос к носу на улице, хотя живем по соседству, а тут, поди ж ты, Лос-Анджелес.

Закончив в тот день дела, Сема отправился гулять по городу со своими коллегами по работе. Друг попросил меня провести им импровизированную экскурсию, благо для меня это был уже не первый визит в город ангелов.

Мы празднично шатались, я что-то шелестел, все были вроде бы довольны. В конце концов, Лос-Анджелес это вам не Рим, с достопримечательностями тут туговато. В какой-то момент я вспомнил один интересный факт и поспешил поделиться им с окружающими.

– А вот здесь, ровно на этом месте, попала в аварию знаменитая американская порно-звезда Дженна Джемесон.

Семины коллеги были, как и он, банкиры, все в костюмах, а один даже в запонках. Как минимум двое после моего объявления компульсивно поправили галстуки, а один – запонки. Мне показалось, что даже по меркам чисто мужской компании это было слишком.

– А я думал, Джемесон – это такой виски, – попытался спасти ситуацию тот, что в запонках.

Банкиры пошли дальше, обходя указанное мной место, как чумное. Сема задержался. Он почесал затылок, вопросительно посмотрел куда-то в небеса и сказал так, что услышал только я:

– Да, дружище, пора тебя женить.

Глава 3. Тили-тили-тесто

1. Короткие встречи длинной жизни

Как-то раз я отдыхал за границей на море.

В один из вечеров я вышел из отеля прогуляться по берегу. Там не было ни души. Кругом стояла такая непроглядная темень, будто кто-то в одночасье обесточил весь мир. Это вообще свойство южного мрака: он настолько густой, что его можно наливать в чернильницу.

Я ушел от отеля вдоль прибоя довольно далеко.

Окрестный пейзаж с его волнами, высоким небом, звездами, обморочными пальмами был настолько сбалансирован и самодостаточен, что практически отменял мое существование. Это странное ощущение превосходило одиночество по силе: скорее оно напоминало дематериализацию, растворение в воздухе.

Чтобы проступить на сохнувшей на ветру фотографии, я неожиданно для себя громко крикнул:

– Привет!

Волны продолжали бурчать что-то себе под нос. И вдруг из темноты мне в ответ прилетело:

– Привет!

Приветствие из ниоткуда прозвучало почти реально, я даже вздрогнул. Кажется, это был женский голос. Видно, ветер заговаривается, предположил я. Но на всякий случай решил перепроверить и снова закричал, наугад, как запускают по водной глади камушек:

– Привет!

– Привет! – снова ответило море женским голосом.

От неожиданности я сделал шаг назад. На ужин меня угощали какими-то подозрительными печеньями. Я начал вспоминать все, что известно о русалках и сладкоголосых сиренах.

На всякий случай я огляделся. И вдруг вдалеке, на кромке берега, заметил чью-то нечеткую фигуру. Я неуверенно пошел в ту сторону. Фигура двинулась мне навстречу.

Из темноты, практически из воздуха, на моих глазах материализовалась девушка. На ней была длинная юбка в пол, и ее ног не было видно. Казалось, незнакомка плывет над песком.

Мы остановились напротив друг друга.

– А я думаю, кто это мне отвечает, неужели море, – заговорила она со мной по-русски, – а это вы.

– Я тоже подумал про море, – признался я.

– Ну, привет, – сказала девушка и улыбнулась.

– Привет, – ответил я.

Мы неловко пожали протянутые для приветствия руки.

И в этот момент над нами брызнули первые залпы салюта. В нашем отеле запускали традиционный пятничный фейерверк.

Так я познакомился со своей будущей женой.

Интересно, сколько еще пар познакомились похоже?...

Думаю, нисколько.

Да и мы с женой так не знакомились.

Я знаю, что таких встреч, срежиссированных и выверенных по темпоритму, в природе не существует.

Когда встречаются двое, кому суждено на какое-то время прорасти друг в друга, когда на кону такие встречи в жанре ва-банк, ангелы не трубят в трубы. И время не замедляется

в рапиде – оно так не умеет. И, вообще, мир не пошевелит своей толстой задницей, чтобы поприличней выстроить для двоих декорации.

Встречи масштаба всей жизни происходят между строк, когда мы перелистываем одинаковые страницы этой плохой книжки – наших будней.

Опрятные судьбы рождаются именно здесь, в неряшливости встреч, а не на подиумах под софитами.

Как-то раз мы с Семой встретились в центре, чтобы пообедать. В этот момент Семе позволила его жена Аня, которая работала неподалеку, и он пригласил ее присоединиться к нам. Аня пришла минут через двадцать, с подружкой с работы. Та увязалась с ней за компанию.

Мы заказали. Все было довольно невкусно, и мы вчетвером выясняли, у кого невкуснее, давая друг другу попробовать.

Самозванная подружка рассказала, что вчера у нее с машины украли омыватели для фар. Мы удивлялись, кому это они понадобились. Официант, подслушавший наш разговор, вмешался и объяснил, мол, эти омыватели стоят немалых денег, поэтому их и таскают. Мало того, что он носил нам невкусную еду, этот парнишка, очевидно, вдобавок промышлял автомобильными кражами. В таком ключе мы прокомментировали его экспертную оценку.

Потом на кухне этого кафе почему-то произошло задымление, и нас попросили временно покинуть помещение. Видимо, еда не выдержала того, что с ней на той кухне делали, и решила покончить свою недолгую жизнь самосожжением.

Мы стояли перед кафе на бульваре и ждали, когда нас позовут обратно. Хотя мы почти все уже съели, расходиться не хотелось. На самозванной подружке был шарфик необычной расцветки.

Вот так я познакомился со своей будущей женой.

2. Подкаблучник

Моя жена не носит каблуков.

Крайне редко.

По сути, на моей памяти она надела каблуки всего один раз. На наше первое свидание. И этого хватило. Простая, бесхитростная наживка, но – хватило же.

Мужики все-таки примитивные создания. Как караси.

3. Пипидастры

Когда женщине нужно посмотреть, просто посмотреть, на что-то или на кого-то, я уверен, в гардеробной своей души она перебирает взгляды, как платья, в поисках подходящего.

Среди этих взглядов есть один довольно редкий, краснокнижный, который трудно описать.

Про него обычно говорят: «чертики» в глазах. Или «искорки». Или «безуминки».

Особенность этого взгляда состоит в том, что, несмотря на огромную убойную силу, он не имеет конкретного адресата. Это блуждающий взгляд, взгляд со смещенным центром тяжести. Информационной нагрузки он не несет. Такой взгляд прилетает прямо из шахты с самоцветами, из Везувия женственности.

Этот взгляд-сияние говорит о том, что там, внутри, идет какое-то брожение, игра вина.

И, хотя это взгляд не для публики, а для самой себя, и женщины его не чувствуют, как не чувствует бабочка узоров на своих распахнутых крыльях, мужчины от такого взгляда обычно краснеют. Опять же, случайные мужчины, попутчики в метро и т. д., ведь взгляд-сияние никому не адресован. Природой так задумано, что в этом случае мужчина не может не покраснеть, конечно, если его антенны по-прежнему направлены в открытый космос, и на них не сушатся носки. Это взгляд из категории «посмотрела словно прошла мимо голая». Как если бы Афродита на секундочку вышла из пены за полотенцем и шагнула обратно. Таков этот взгляд, взгляд нагишом.

Потрясающий, шедевральный, штучный взгляд, а названия ему нет. «Чертики», «искорки», «безуминки» – все это не точно.

Я страдаю, когда не могу поименовать очередной призрак, и брожу в сумерках неназванных духов, пока не подберу для них слово по размеру.

И в этом случае я тоже нашел. Все-таки не напрасны мои бессонные ночи за словарями, древними языками, герменевтикой и толкованием сновидений.

Я нашел!

«Пипидастры» – вот что у женщин в глазах при этом взгляде.

Разноцветные шевелюристые метелки, с помощью которых девушки-чирлидеры развлекают публику на стадионах.

На нашем первом свидании моя будущая жена посмотрела куда-то в сторону, в окно, поверх проводов, в кошачьи дали, и я увидел у нее в глазах пипидастры.

4. Унылое мачо

Люди в современном городе все дальше друг от друга, а столики в ресторанах – все ближе. Не понимаю эту моду сидеть друг у друга на головах. Правда, можно поесть из тарелки соседа, если твое закончилось.

Как-то раз 14 февраля мы с женой сидели в таком хипстерском месте. Было очень вкусно и очень тесно.

За соседним столиком расположилась парочка, он и она. Фактически мы с ними ужинали вчетвером, как семейка свингеров. Их разговор был слышен до мелочей, до полувздохов и чавканья.

Я, как инженер человеческих душ, сразу понял, что у соседей первое свидание. И последнее. Потому что парень был клинически непоправим. Ремонту не подлежал. Сразу в утиль.

Я прекрасно расслышал всю его нобелевскую речь. Парня частично мог оправдать возраст, если бы ему было двенадцать. Но на глазок ему уже явно перевалило за тридцать.

– Я выскочил из-за угла и долбанул его битой. Стоит, падла. Я стрельнул из гранатомета, прямо в башку. Стоит. Тогда я охреначил его бензопилой.

После этого экзерсиса я предположил, что перед нами вовсе не свидание, а допрос в неформальной обстановке: девушка – следователь следственного комитета, а юноша – подследственный, который признается ей в преступлении. Но все оказалось еще страшнее: анти-Ромео пересказывал сюжет компьютерной игры.

– Ну, вообще-то, – произнес парень заговорщицки, как будто собирался открыть секрет на миллион в передаче Леры Кудрявцевой на канале «НТВ», – я уже нагулялся.

Аллилуйя. Я представляю, как отлегло у девушки. Она-то, бедная, думала, что он еще нет, и была готова по гроб жизни терпеть его измены, а он таки да.

Кто же тебя выгуливал, подумал я. Такого слоненка не каждый на поводке удержит. А палочку тебе швыряли? А какули за тобой в пакетик собирали? Ну, ладно, молодец, что нагулялся.

Девушка сидела на одной линии со мной, и я ее не видел. А псевдо-Ромео располагался рядом с моей женой, то есть, получается, напротив меня наискосок. Из-за близости столиков мне порой казалось, что это я сижу на свидании с парнем и что это он мне втирает весь свой просроченный крем от загара. Одним словом, эффект присутствия был практически полный.

Так вот я, не девушка и не на свидании с ним, все равно чувствовал себя неловко. До лицевого тика, настолько неловко. А недо-Ромео ничего, сидел невозмутимый и даже немного румянянский. Горячий парень, аж сам от себя покраснелся.

14 февраля – довольно странный праздник. Очередное пугало огородное, придуманное современным обществом, чтобы воронам было откуда покаркать. Влюбленным оно не надо. Если они действительно влюблены, им вообще мало что надо, счастливицам. И меньше всего им надо принудительно демонстрировать свою влюбленность. А невлюбленные 14 февраля – прокаженные на один день. «Вы что, не влюблены? – кричат им с пугала. – А ну-ка, немедленно бегите влюбляться! Нам все равно, хоть в черта лысого, ничего не знаем, 14 февраля все должны быть влюблены, оцветочены и завалентинены. А в остальные дни можете по-прежнему ненавидеть друг друга, мы не против».

Если бы не день всех влюбленных, не день всех этих трех человек, девушка справа от меня спокойно сидела бы дома и читала бы интересную книжку. Не такую интересную, конечно, как собеседник напротив, но у книжки есть одно очевидное преимущество – ее можно захлопнуть на любой странице.

– Бах! – крикнул якобы-Ромео.

Даже на расстоянии я почувствовал, как девушка вздрогнула. Да что там девушка – жена моя вздрогнула, чуть не выронив вилку.

– Бах! Бах! – настаивал на своем парень.

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына», – выругался я про себя.

Только не это. Юноша заговорил про охоту. Как он ходил на кабана. По телеканалу для кабанов таких придурков, как этот парень, наверное, в специальном юмористическом шоу показывают. А девушка поверила, бедняжка. И, скорее всего, уже успела про себя оплакать трагически застреленную милую волосатую свинку. И медведя. Ого! И медведя! Вот это размах у короля ржавого пикапа.

Шла сороковая минута изнасилования моего мозга. Я никак не мог протолкнуть внутрь вкуснейший десерт: он все норовил обратно. Я предложил жене закругляться. Тем более, что за весь ужин мы едва перекинулись с ней и парой слов. Под такой полет шмеля не очень-то и побеседуешь. А сверх-Ромео продолжал жужжать, ерзая на стуле своим неугомонным задом.

Я попросил счет и задумался: а вдруг это только мои фрустрации? А девушке на самом деле все нравится и, вообще, возможно, для нее это свидание века. Осторожно, под предлогом поднять якобы упавшую салфетку, я повернулся и впервые взглянул на свою соседку.

Если для нее это и было свиданием века, то, очевидно, каменного. В этот момент девушка тоже посмотрела на меня. «Помогите!» – попросила она взглядом.

Я поднялся. Взял с нашего стола недопитую бутылку шампанского. Зашел за спину супер-Ромео и долбанул его сзади по голове, как Штирлиц – Холтоффа. Парень сразу обмяк, словно злые демоны 14 февраля разом отпустили невидимые ниточки, за которые они дергали его весь вечер. Вокруг закричали.

Я поднялся. Взял жену и ушел. Увы, такие эффектные хэппи-энды бывают только в кино. Целый и невредимый Ромео Холтофф, это унылое мачо, продолжал опьялять мозг беззащитной девушке. Он уже благополучно добрался до рыбалки. Затевахин недобитый.

Мы с женой ехали домой в такси по вечерней Москве. Город феерил огнями, не подозревая, сколько нечеловеческих страданий выпало в тот день на долю его жителей. Я думал о том, что надо бы законодательно запретить идиотам ходить на свидания.

Жена привалилась ко мне и дремала. Она прижалась ко мне плотнее обычного.

На нашем первом свидании много лет назад я ни слова не сказал ей ни об играх, ни о «бабах», ни об охоте. Жена до сих пор не знает, кто такой Затевахин.

Мне кажется, она наконец оценила.

5. Пьер Ришар не играет в хоккей

С юных лет меня волновали глобальные вопросы мироздания.

Например, куда люди девают носы, когда целуются. После советского фильма «Девчата» я выдохнул, что не один такой.

Или же: как девушки решают, что да, вот этому я отвечу взаимностью, а вон тот – неформат и неконвертируемая валюта.

Процесс принятия столь судьбоносного решения рисовался мне древнегреческой мистерией. Чем-то сакральным с весталками и гаданиями на внутренностях священных животных. А когда решение принято, внутри девушки начинается фестиваль индийское кино (по моей версии): там у нее все танцуют, запускают фейерверки, и ее брат, оказавшийся ее дедушкой, торжественно благословляет внучатую сестру на брак.

С другой стороны, не исключено, что на самом деле процесс выглядит до оскомины безынтересно. Один нейрон приходит к другому, почесываясь после сна, и говорит «ну че, пошли в центр удовольствия». Хотя это больше похоже на мужской мозг. Я не знаю.

Я знаю только одно: как моя жена сделала свой выбор в мою пользу. Я знаю это с точностью до секунды.

Дело было зимой. Я отправился на «коробку» во дворе перед домом поиграть в хоккей. В полной амуниции: в защите, в каске и в крагах. На эту «коробку» со всей округи традиционно стекались мужики, которые в свое время в припадке здорового образа жизни понакупили себе дорогую форму, и ее надо было где-то выгуливать, как девочкам – сумки. Не все из них умели кататься на коньках. Но на всех одинаково элегантно сидела хоккейная каска. Если стоять на месте и не двигаться, каждый мог выглядеть брутально.

Я принадлежал к числу тех немногих, кто кататься умел. Страшно сказать: я умел кататься, не опираясь на клюшку. Я был лидером команды местных хроников и пенсионеров.

В тот день к нам на «коробку» прибыла молодежь из соседнего микрорайона. Мы заранее договорились с ними о товарищеском матче. Это была наша первая совместная игра, так что соперники не представляли уровень мастерства друг друга.

Собравшиеся катались по площадке перед игрой, разминаясь и украдкой поглядывая на противника. Мы, хроники и пенсионеры, со своей стороны пошли на маленькую хитрость: всех наших ходячих хоккеистов мы живописно расставили вдоль бортика. Так они могли произвести ложное впечатление и даже напугать.

Лично я восемь лет отзанимался конькобежным спортом. Поэтому стремительно рассекал по льду, нарезая круги. Приехавшая в гости молодежь еще не знала, что из десяти бросков по воротам я мажу одиннадцать. Так что они опасливо косились в мою сторону и о чем-то перешептывались.

Закладывая очередной головокружительный вираж, я вдруг заметил, как из подъезда вышла моя жена. Точнее, моя будущая жена, тогда она ни о чем еще не догадывалась, бедняжка. Мы только-только начали встречаться и успели зайти в океаны друг друга лишь по щиколотку, не решаясь нырнуть с головой. Жена направилась в сторону магазина, но, заметив на «коробке» оживление, повернула в нашу сторону. Очевидно, она захотела посмотреть, на какой-то такой хоккей ходит ее молодой человек.

Я понял, что жена сейчас наблюдает за мной, не подозревая, что в ответ я наблюдаю за ней. И решил повыпендриваться. Разогнался и помчался по площадке на космической (по нашим, пенсионным меркам) скорости. Мои старикашки в касках набекрень приободрились, расхорохорились. А гостевая молодежь как-то заметно скисла и начала пятиться к выходу.

Я – как знаменитый французский актер. Мне бы вовремя остановиться, во всех смыслах, и я был бы красавчик и хищник-сердцеяд, как Ален Делон. Но я – как другой знамени-

тый французский актер, как Пьер Ришар. Который не умеет вовремя останавливаться, во всех смыслах.

Жена уже дошла до хоккейной площадки и с интересом следила за происходящим, стоя у бортика снаружи. И я решил добавить к своему парадному автопортрету последний решающий штрих. Любитель индийского кино и дешевых спецэффектов, я сделал рывок и на полной скорости как бы случайно повернул голову назад в сторону жены, посмотрев через плечо. Наши взгляды встретились, она мне улыбнулась, и я с мужественной грацией помахал ей рукой. И в следующую секунду врезался в противоположный борт.

На той же самой космической скорости. Ключка, каска и краги разлетелись в разные стороны. Я рухнул на лед, как поверженный рыцарь на средневековом турнире, трагически-неуклюже грохоча латами, и звездочки из космоса закружились перед глазами. Мои пенсионеры, стоявшие у того самого борта, от неожиданности стали падать один за другим – сработал эффект домино.

– Все понятно, – сказал капитан молодежной команды, – давайте начинать.

Вот тогда, в то самое мгновение моего позорного триумфа или триумфального позора, жена и выбрала меня раз и навсегда.

– Этого берем, – откуда-то из-под сердца шепнула жене сердобольная русская женщина, – этот без нас пропадет.

6. Богиня майонеза

Я отлично помню первый обед, который приготовила моя будущая жена. Это были покупные пельмени, обнаруженные в моей холостяцкой морозилке.

Меня сразу подкупило то, что жена вообще решилась заглянуть туда, ведь холостяцкая морозилка – это место страшнее морга в фильмах ужасов: каких монстров там только не встретишь. Покупные пельмени выглядели виновато и всем своим растерянным видом словно сомневались в том, что они еще по-прежнему пельмени, после стольких-то лет в замке Иф. Когда их погрузили в воду, они сразу всплыли – недобрый знак. Но жена небрежно бросила в кастрюлю лавровый лист, и композиция сразу приобрела более уютный, камерный вид. С такой же элегантно небрежностью богиня Терпсихора в свое время бросила человечеству искусство танца.

В тарелку с дымящимися пельменями жена добавила майонез. Я ел, макая пельмени, распухшие в кастрюле от собственной значимости, в белоснежность майонеза, и, закатывая глаза практически до полного оборота на триста шестьдесят градусов, думал о том, что эта конкретная женщина – немножечко богиня.

Скорее всего, не из-за майонеза. Вряд ли из-за него одного.

7. Нюансы прямохождения

Я коллекционирую походки.

Не то чтобы я отрывал людям ноги и заспиртовывал их. Но я действительно запоминаю необычные походки. Походка вообще может сказать о человеке многое.

Об этом знали девочки в нашей школе. Как-то раз на перемене к нам подбежал запыхавшийся одноклассник и передал подслушанный им девчачий разговор: те договорились следить за тем, как мы ходим, потому что, по их верованиям, мужская походка выдает его манеру заниматься сексом. Гениальная теория, конечно же, на «Шнобелевку». А вот если парень, к примеру, хромает, то в этом случае что, позвольте спросить? Или, подобное тоже не редкость, спотыкается? От такого, видимо, вообще ничего хорошего ожидать не приходится... Как бы то ни было, но с того рокового дня все мальчишки в нашем классе стали передвигаться одинаково: на прямых ногах, словно роботы-паралитики. Что, от кого и, главное, зачем мы пытались скрыть, учитывая, что тогда нам, восьмиклассникам, до секса было как до луны, а некоторым и того дальше, непонятно.

Впоследствии за годы собственных наблюдений я собрал неплохую коллекцию походок. Вот некоторые самые яркие экземпляры.

Мистер Икс ходил исключительно вдоль стен, скользя по ним пальцами. При этом он отворачивался от тебя, словно уклоняясь от встречных взглядов, как Нео от пуль. Мистер Икс тем самым явно хотел избежать общения, но этот игривый отворот-поворот создавал обратное впечатление, будто он кокетничает. Мистер Икс был очень богатым человеком. Возможно, он передвигался вдоль стен, опасаясь, что у него попросят взаймы.

Мистер Игрек не шагал, а вышагивал. Высоко поднимая ноги. Его походка создавала ощущение складных ног, словно они раскладывались в нескольких местах прежде, чем ступня опускалась на землю. Мистер Игрек ходил с ястребино-поднятым подбородком. Не исключено, что когда-то он служил в ПВО, где приобрел привычку отслеживать в небе ракеты противника. Мистер Игрек отличался великаньим ростом. Существовало три варианта, чтобы привлечь его внимание: а) сломать ему колени; б) ударить в пах; в) заплакать. Мистер Игрек был самым высокомерным из всех страусов.

Но жемчужиной моей коллекции, без сомнения, является Мистер Зед.

Мистер Зед ходил без походки. Он передвигался, не передвигая ног, неслышно. Фактически – телепортировался. Как граф Дракула в фильме Коппопы. Вот ты стоишь безмятежно, беседуешь с кем-то и вдруг чувствуешь в районе своего затылка холодок. Можно не оборачиваться. Ты точно знаешь, что Мистер Зед уже там, у тебя за спиной. И в тот момент ты способен думать только об одном: не слишком ли сексуально пульсирует артерия на твоей шее.

В примерах выше фигурируют исключительно мужские походки. Возможно, потому что женские ноги аномальны сами по себе, и при наблюдении за женскими походками в моем мозгу обычно что-то нештатно щелкает, в результате чего аналитические способности мгновенно отключаются.

Была, правда, на моей памяти у одной знакомой необычная походка. У девушки были потрясающие ноги, но при этом она чуть-чуть косолапила, и подобный диссонанс меня завораживал.

Это девушку и сгубило: она стала моей женой.

8. Первая брачная ночь Робокота

Первый герцог Пруссии Альбрехт Бранденбург-Ансбахский стоял посреди кирхи замка Фишхаузен на собственной свадьбе и страшно потел. Он потел не от страха: герцог не боялся жениться. На нем громоздились многоэтажные свадебные латы, не пропускавшие воздуха. Даже забрало рыцарского шлема было опущено, как того требовали правила церемонии. Из-за этого упавшего забрала герцог нервничал, отчего потел еще больше: он боялся, что коварные царедворцы подсунут ему какую-нибудь самозванку, а не его красавицу Доротею.

Красавица Доротея, урожденная Голштинская-Брандербургская, двадцатидвухлетняя старуха в платье до подбородка, поравнялась с цельнометаллическим женихом.

– И хорошо, что забрало опущено, – подумала Доротея, – не видно его косоглазия.

Церемония началась. Из-за косоглазия герцог никак не мог сфокусироваться на прорези в шлеме. Его оруженосец, добрый старик Дитрих, служивший еще его отцу, стоял позади. Он незаметно гладил герцога по латам. Своим чутким многострадальным сердцем старик улавливал малейшие вибрации.

– Бедный, бедный мальчик, – думал старик Дитрих, – как Робокот.

Старик Дитрих был ясновидцем и предвидел будущее, в том числе – несуществующего пока кинематографа.

– Вот ведь угораздило меня. Альбрехт Бранденбург-Ансбахский, что за тарабарское имя, – думала Доротея, урожденная Голштинская-Брандербургская.

На той свадьбе вообще все очень много думали. Грузины еще не изобрели тамаду, и отвлекать людей от мыслей было некому.

Наконец клятвы повисли в воздухе невидимыми печатями. Молодожены направились наверх, в опочивальню герцога.

В опочивальне Доротея красиво легла на брачное ложе и сказала:

– Я вся горю.

Так ее научила говорить кормилица. На древнепрусском это звучит очень сексуально. Но мы с вами, хилые потомки, не знаем древнепрусского, поэтому придется довольствоваться отечественными генериками.

– Я иду к тебе, – пробубнил через забрало герцог.

Но он не шел. Потому что старик Дитрих никак не мог разоблачить герцога из лат, а этот ритуал входил в его непосредственные обязанности как оруженосца.

– Заело, шеф, – сокрушался старик, любивший вставлять странные словечки из своих видений.

Латы были только что из химчистки. Возможно, именно по этой причине хрустящие свежестью крепления не поддавались.

Позвали слесаря, местного, из замка. Как и всякий слесарь во все времена, тот пришел сильно пьяным.

– Там уже празднуют всюю, – недовольно ворчал слесарь.

Слесарь провозился возле герцога минут двадцать, но максимум, что он смог сделать, это поднять забрало. Герцог смотрел в себя. От нервного перенапряжения его косоглазие стало невыносимым.

– Ах, опустите обратно, – хотела было воскликнуть Доротея, но, как девушка воспитанная, воздержалась.

Старик Дитрих и слесарь стояли перед упакованным герцогом и синхронно чесали затылки.

– Ну, что я могу сказать, – задумчиво произнес слесарь, обращаясь к старику Дитриху, – хотите, спереди вырежу ему технологическое отверстие?

И с этими словами он достал из-за спины гигантские ножницы по металлу, невесть откуда взявшиеся в шестнадцатом веке. Герцог инстинктивно прикрыл свой пах железными перчатками.

– Ты чего, шельмец, он же тебе не шпроты, – решительно возразил старик Дитрих.

Доротея перестала вся гореть, встала из красивой позы и взяла с полки томик Овидия, «*Ars amandi*» (у герцога была потрясающая библиотека, девять тысяч титулов).

– Разогреюсь пока, – объяснила собравшимся Доротея, показав на Овидия.

Она вернулась в постель и раскрыла книгу.

– Если сроки имеют значение, а в этом случае они, очевидно, имеют значение, – поправился слесарь, заметив внезапно побагровевшее в гневе лицо герцога, – я вижу лишь одно разумное решение: скинуть его сиятельство с башни для механического разоблачения из оных лат.

Пьяные слесари в Древней Пруссии всегда изъяснялись высокопарно.

Герцог, в железобетонных ступнях которого от пота уже образовалось два маленьких озера, в знак согласия кивнул.

Старик Дитрих и слесарь взяли герцога с двух сторон за латы и, размахнувшись, выкинули его через бойницу в башне.

Внизу раздался нехороший лязг. Старик Дитрих и слесарь выглянули наружу.

Напротив башни на площади гуляла веселая толпа. Народ праздновал бракосочетание любимого герцога.

Гуляющая толпа обступила тело беспомощно распростертого рыцаря. Его упаковка была не нарушена. Лишь в одном месте слегка погнулся шлем. Герцог внутри жалобно простонал.

– Ишь ты, прямо Кощей Бессмертный, – по-доброму поглумился над работодателем старик Дитрих и добавил: – При папашке-то его, Фридрихе, умели вещи делать, чистый металл, никакого ГМО.

– Ну, видимо, это надолго, – меланхолически произнесла Доротея, снова покинула брачное ложе и вернулась туда с полным собранием сочинений Софокла.

В те годы оно еще не было утрачено.

И чего только не приснится молодожену, обчитавшемуся на ночь исторической литературы для снятия мандража, накануне собственной свадьбы.

9. Один день из жизни супругов времен ведической Руси

После женитьбы я стал много читать. И не книги об экзорцизме, как делают некоторые несчастливые мужья. Поскольку у нас с женой все было плюс минус happily ever after, я стал много читать фейсбука, чтобы узнать, как можно осчастливить жену еще чуточку больше. Ведь брак парадоксальным образом начинается с хэппи-энда – со свадьбы, и после свадьбы, как известно, все сказки умолкают. Так что все, что нам, их героям, остается – это экспериментировать с дозировкой счастья.

Однажды утром (а день вроде бы обещал быть несложным) я прочел у кого-то в ленте примерно следующее (в точности я не запомнил, память моментально заблокировала травмирующий опыт): на ведической Руси у супругов существовала традиция – в шестицу отдавать чад на сторону, оставаться наедине в палатах и день напролет миловаться для достижения в отношениях лада. Конец цитаты и здравого смысла.

После «на ведической Руси у супругов» можно было уже не читать, я мазохист, знаю. Мне вообще кажется, что любимую жену «супругой» не назовут. «Супруга» больше подходит для транспаранта, который на демонстрации маскулинности мужчина несет высоко над головой, показывая всем вокруг, какой он хороший муж (простите, супруг). Слово «миловаться» автор написал всеми большими буквами – МИЛОВАТЬСЯ, как будто маленькими было недостаточно страшно.

Видимо, под этой словесной вакханалией подразумевался этакий старинный семейный тимбилдинг, сессия у семейного психолога без семейного психолога, где вместо семейного психолога – русская печка, на фоне которой и происходит тимбилдинг.

Между тем, картинка в голове вспыхивает яркая, реалистичная, так что тогда я прямо воочию увидел этот день из жизни супругов ведической Руси.

– Не лепо ли ны бяшет, мать, начати нам миловаться. А ну-ка чада, дуйте-ка в садик к Арине Родионовне, не мешайте праотцам. Ушли, однако. Приступаем к милованию.

– Чего с тобой миловаться, ендовочник. Один глум от тебя, жизнь моя юдолице.

– Лиха же ты блядословить, дочь стремная. Сама-то. Едино во «Вконтакте» епистолии строчишь.

– Заткни забрало, вертухай. Хочь бы на колобка наскреб по сусекам, все одно сидишь седло просиживаешь, на гусях бренчишь.

– Аз есмь гусяр аки от Рюрика повелось! Одно брашно у тебя на уме, отродье кикиморы, а супружник твой втуне в бане потиральца не допросится.

– Что собрался потирать-то, мать сыра земля, пимпочку свою, что ли? Высоко о своем пердимонкле мнишь.

– Ах ты, лядина! Да ты своей крамолой любой курвиметр поломаешь. Ужо тебе, а ну – очи долу!

– ...

– Положь таганок! Ай! Положь чапельник! Ай! Положь коромысло! Ай! Положь корыто! Ай! Положь печку!

– Эй, заполошные! Это Арина Родионовна. Я чад ваших возвращаю, вечерняя зорька ужо. Кончай уже миловаться, ироды, вон, палаты на всю ведическую Русь трещат.

10. Женское счастье

– А это цветок «женское счастье», – сказала жена, не без некоторого вызова.

Она привезла его в наш общий дом в первый же день, когда мы съехались и стали жить вместе.

Однажды мы ждали в гости ее маму. И, как назло, цветок «женское счастье» вдруг захандрил, поник, начал клевать носом, бледнеть и беспорядочно валяться по горшку. На нем вскочили какие-то волдыри или шишки, в общем, я не цветочный венеролог, я не знаю.

Я должен был спрогнозировать масштаб грядущей катастрофы и спросил у жены, как бы невзначай:

– А твоя мама разбирается в цветах?

– Еще бы, – ответила жена, – в сто раз лучше меня.

Стало быть, название «женское счастье» теще прекрасно известно, это как минимум, рассуждал я про себя, сгрызая ногти до фаланг пальцев в темную безлунную ночь перед рассветом накануне приезда тещи.

А утром я вскочил раньше жены и вылил в горшок этого мерзавца две лейки воды.

– Только попробуй сдохнуть, сволочь, – прошептал я «женскому счастью».

Я где-то читал, что цветы нас понимают.

Теща приехала ближе к вечеру. Завертелась суета приветствий, приема подарков, банок, склянок, блинов, пирожков, и вдруг теща воскликнула:

– Ух ты, какое у вас «женское счастье» красивое!

Я выглянул из-за тещиной спины. Цветок стоял весь белый от лепестков: из венерических шишек вылупились роскошные бутоны.

Сволочь меня услышала.

11. Ты мое сердце

На день рождения тещи я решил сделать ей сюрприз, и во время застолья включил в Apple Music ее любимого Стаса Михайлова.

Теща вздрогнула от того, что ниоткуда, буквально с потолка, внезапно запел ее любимый Стас Михайлов, а Apple Music – от того, что у него внутри оказался Стас Михайлов. Вообще у меня к Стасу Михайлову нет никакого предвзятого отношения. Хотя злые языки и поговаривают, что Стас Михайлов – это не исполнитель, а вирус... У меня это скорее авторская леность, из-за которой я использую затасканный мем в поисках дешевой популярности. А как известно, мелочность мотивов не остается безнаказанной...

Мы прослушали одну песню Стаса Михайлова, ту самую, которая длится три часа и которую он поет на всех своих концертах. Это не Metallica, конечно (на мгновение я представил Джеймса Хэтфилда с золотой цепью на груди в обнимку с Ваенгой), но ради любимой тещи можно потерпеть три часа «Моего сердца из чистого золота».

На следующий день я сидел в приемной одного непростого стоматологического центра в ожидании приема. Я из поколения советских детей, чей кариес лечили отбойным молотком, поэтому зубных врачей побаиваюсь и считаю, что чем дороже, тем качественнее (очередное заблуждение глупого XXI века). Людей в приемной было немало, несмотря на дороговизну, а может, как раз благодаря. И люди эти подобрались все больше непростые, с челюстями по цене квартиры, а к некоторым даже были приставлены телохранители для охраны квартир во рту.

И тут от нервного напряжения я запел. Видимо, психика решила стравить немного стресса через плохо захлопнутый рот. Запел я то, что накануне автоматически записалось на подкорку, заменив собой часть мозга. Никогда еще под готическими сводами непростой стоматологии с подлинниками Рембрандта на стенах не звучала столь божественная мелодия:

*Ты мое сердце из чистого золота,
И я спасу тебя от холода.*

Я заткнулся только тогда, когда мне показалось, что женщина напротив сделала своему охраннику знак, чтобы тот меня пристрелил.

12. Властелин колец

Спустя месяц после своей свадьбы я пришел к Семе на день рождения. Жена по каким-то причинам не смогла пойти и отпустила меня с миром одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.